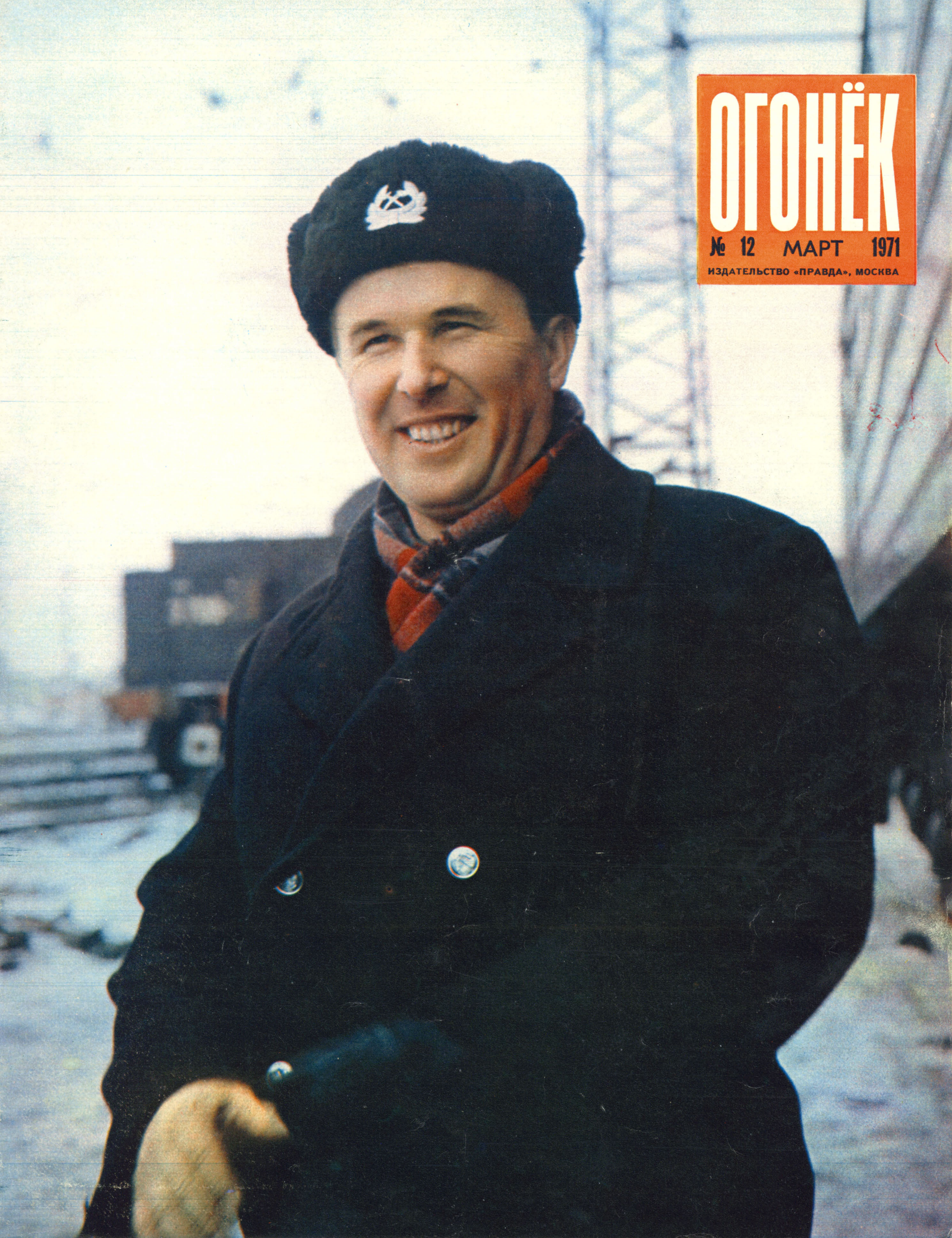

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Столица текстильщиков — Иваново. Новый городской пейзаж.

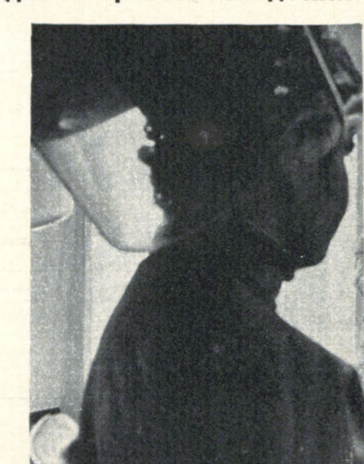
К весеннему сезону.

Фото М. САВИНА.

В магазине

Одна из трехсот пятидесяти

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

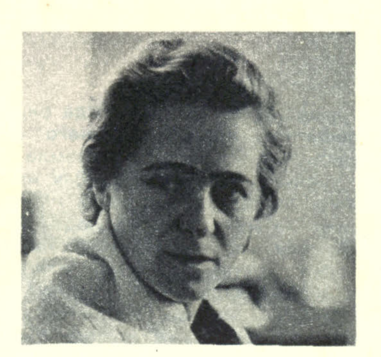
Основан 1 апреля 1923 года

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 12 (2231)

20 МАРТА 1971

ЗОЯ ПАВЛОВНА ПУХОВА — ИВАНОВСКАЯ ТКАЧИХА. ОНА РОДИЛАСЬ В 1936 ГОДУ, В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ПОШЛА РАБОТАТЬ. ПЫТЛИВОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ, ПОМОЩЬ СТАРШИХ БЫСТРО ПОМОГЛИ ЗОЕ ПУХОВОЙ ВЫЙТИ В РЯДЫ ПЕРЕДОВЫХ ИВАНОВСКИХ РАБОТНИЦ. ОНА СТАЛА ЗАПЕВАЛОЙ ДВИЖЕНИЯ «ОТ НОВОЙ ТЕХНИКИ — ВЫСОКУЮ ОТДАЧУ».

З. П. ПУХОВА БЫЛА ДЕЛЕГАТОМ XXIII СЪЕЗДА ПАРТИИ, ВЫСТУПАЛА С ЕГО ВЫСОКОЙ ТРИБУНЫ.

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

З. П. ПУХОВА,
ткачиха Ивановской прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова, член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, делегат XXIV съезда КПСС

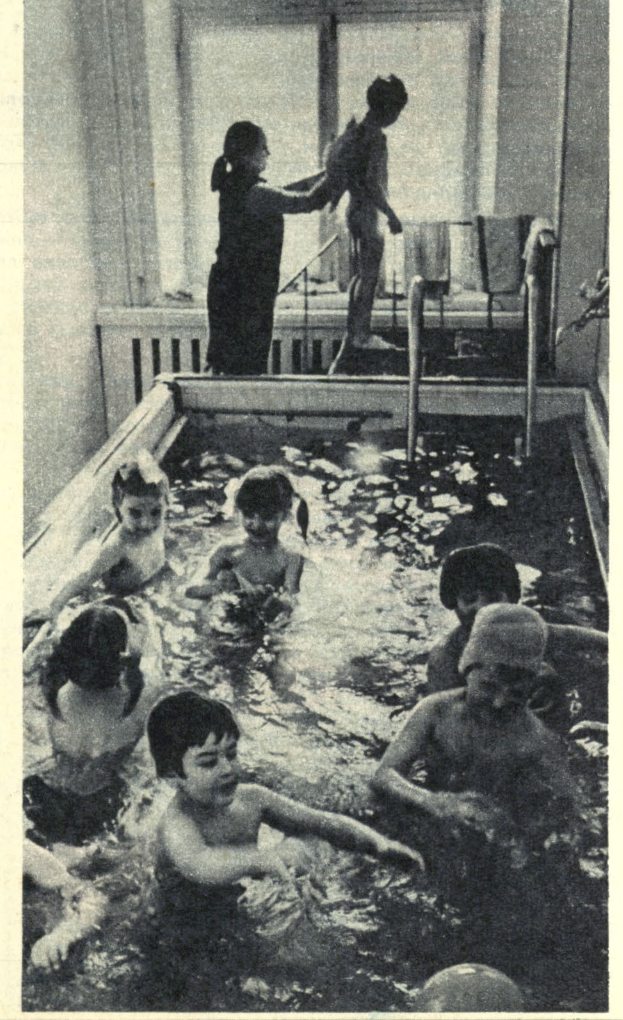
▼ Детский сад Ивановского камвольного комбината. Самый любимый час.

«Юбилейный».

услуг Дома быта.

Случаются в моей почте письма с таким адресом: «Иваново, канцелярия члена Президиума Верховного Совета Союза ССР, З. П. Пуховой». Канцелярии у меня нет. Мое рабочее место — цех пневматических станков прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова. Почти двадцать лет изо дня в день прихожу я сюда. Рядом работают подруги, товарищи по труду, мои избиратели.

Приятно бывает в конце смены увидеть на доске показателей против своей фамилии цифру «700». Значит, в стране на семьсот метров тканей стало больше. Если их приплюсовать к метрам, снятым со станков моих товарищей по бригаде Люды Орловой, Зины Сталь, Людмилы Жалниной, Зинаиды Ледневой, других членов нашей бригады, к метрам из цехов других ивановских текстильных предприятий,— образуется море тканей! В завершившейся пятилетке предприятия нашей области дали около 11 миллиардов метров.

Продолжение на стр. 4—5.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ДЕЛЕГАТ!

Николай **ШУНДИК**

Представим тот миг, когда он, делегат XXIV съезда партии, должен перешагнуть порог домашнего очага, чтобы через какое-то время оказаться в Московском Кремле. Может, это москвич-рабочий, москвич-ученый. Может, это рыбак из Петропавловска-на-Камчатке. А возможно, волгарь, рожденный на родине Ильича, в городе Ульяновске. Присел на минуту перед дорогой, и рядом присели родные, близкие.

А если всю нашу землю представить отчим домом, то родные, близкие делегата — все мы, граждане Советской страны.

Присели. Задумались.

Двадцать четыре съезда ленинской партии. Двадцать четыре вехи в истории ленинизма, а стало быть, в истории нынешнего человечества. Двадцать четыре гигантских шага по пути, никем и никогда не хоженному. И каждого труженика Советской страны уже сама история назвала редким и настолько же весомым именем — Первопроходец. А шаги Первопроходца — это подвижническое преодоление.

Прослеживая этапы наших исторических преодолений, есть смысл в эту минуту, перед проводами делегата на съезд, сравнить, что говорили враги наши, оценивая возможности Советского государства в годы первой пятилетки, и что говорят они сейчас, изучая проект Директив XXIV съезда КПСС, тех Директив, которым суждено стать программой девятой пятилетки.

Вот они, на редкость амбициозные слова до крайности самоуверенного, а главное, распаленного злобой американского журналиста Шванберга: «Я позволю снять с меня кожу и натянуть на барабан, если хоть десятая доля большевистской пятилетки будет выполнена за двадцать лет!»

Вот так, ни много ни мало — собственную кожу на барабан! Не худо бы нам, людям, никогда не теряющим чувства юмора, поглядеть на господина Шванберга нынче и от души посмеяться. Вряд ли он выполнил свою клятву. Да если бы и выполнил и появился бы такой барабан, то уж победную дробь выбивать на нем никому из лагеря антикоммунизма все равно не придется.

Это поняли наиболее трезвые политики в капиталистическом мире сразу же, как мы выполнили первую пятилетку. Поняли и глубоко призадумались, расставшись с прежней амбицией, но не погасив ненависти к коммунизму.

Вот слова опытного политика Артура Гопкинсона: «Глупо притворяться, будто пятилетний план не удался. Это факт, что во многих областях план уже превышен. Я стараюсь всеми силами предостеречь от ошибки, которая может породить предположение, что пятилетка потерпит неудачу, потому что она уже достигает такого обширного успеха, который превращает ее в угрозу цивилизованному миру».

Господин Гопкинсон, как ныне свидетельствует сама история, допустил существенную неточность, имея в виду угрозу капитализму, а заявляя, что налицо угроза цивилизованному миру.

Вопя о том, что цивилизованному миру со стороны Советской России готовится удар, они усиленно выращивали такое чудовище, каким явился гитлеризм, от которого Стране Советов в пору ее новых подвижнических преодолений пришлось спасать само человечество, а не только его цивилизацию.

Подвиг наш в самой страшной войне за всю историю человечества был настолько неопровержим, что даже господа гопкинсоны не могли не признать его. Уинстон Черчилль говорил о том, что Красная Армия оказывает «сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов», выражал «восхищение и признательность... по отношению к русскому оружию».

Уинстон Черчилль, конечно, умолчал о том, что сам приложил немало усилий, чтобы Гитлер направил свои полчища на Восток, на Страну Советов, умолчал и о том, что советские люди спасли не только свою Родину, но и Англию, всю Европу с ее цивилизацией, весь мир.

Да, теперь даже враг вынужден признавать и волей-неволей уважать реальную силу Советского государства, вынужден самым серьезным образом считаться с ней. Вот почему короли буржуазной печати нынче понимают, что их газеты, журналы рискуют оказаться слишком несерьезными, если по-прежнему будут лишь пророчить провал советских планов. Нет, сегодня там можно прочесть весьма тревожные признания, что планы наши реальны, грандиозны, что они имеют огромную притягательную силу.

Касаясь проекта Директив, американское агентство ЮПИ пишет: «Западные экономисты отмечают, что это реальный, разумный и необычайно самокритичный план». Бельгийская газета «Сите» проект Директив называет «проектом большого размаха». Газета «Вестфелише Рундшау», выходящая в ФРГ, признает, что проект Директив по новому советскому пятилетнему плану — это не программа громких слов, в нем виден стиль политических деятелей, которые трезво оценивают возможности своей страны.

Надо отметить одну подлую уловку капиталистических идеологов. Когда у них не осталось надежд на провал наших планов, они всеми силами пытаются внушить советскому народу: да, дескать, победы вашего государства неоспоримы, но какой ценой они вам дались!

Действительно, завоевания советских людей давались немалой ценой. Но мы помним, что самые тяжкие испытания навязывал нам мир капитализма: войны, экономические блокады, вынужденные наши военные расходы, на которые мы должны идти и впредь, чтобы в случае необходимости дать сокрушительный отпор любому агрессору, как это было неизменно до сих пор.

Вот и сейчас, когда советский народ расправляет плечи для нового трудового подвига в девятой пятилетке, нам говорят под руку: вам будет трудно, опять напряжение сил, опять напряженная работа.

Но напрасны надежды на то, что мы расслабим свою волю, расшатаем дисциплину. Мы понимаем, насколько это кощунственно — хотя бы на миг согласиться с враждебной пропагандой, что люди, посрамившие господ шванбергов, не испытали радости в своем титаническом труде. Это гнусная ложь. Никому не удастся наш путь первопроходцев представить каким-то безрадостным, угрюмым, тяжким шествием. Так это изображать еще и потому подло, что всему миру известно, какую законную радость пережили советские люди, когда сама история их назвала спасителями человечества. Лучшие умы на земле полагают, что эту святую миссию советский народ выполняет и сейчас, и прежде всего по этим весьма веским мотивам желают ему успешного выполнения новой пятилетки.

Богатырь не может не радоваться, когда понимает, насколько разумно и необходимо его богатырское дело.

Хотелось бы в эту минуту проводов делегата на съезд глянуть в лицо одному из таких богатырей, проследить его путь.

Вот знаменитый сталевар «Запорожстали» Михаил Кинебас. В середине пятилетки он участвовал в выплавке стомиллионной тонны стали. Шел Кинебас к этой плавке двадцать лет. Когда впервые деревенским пареньком переступил порог завода, плавка в мартеновской печи длилась четырнадцать-пятнадцать часов. Юбилейную плавку Кинебас провел за один час и сорок минут.

Пятнадцать часов плавки — и один час сорок минут! Вот насколько действенней стала огненная мощь мартенов. Но не только об этой огненной мощи, где намного скорее стала выплавляться сталь, мысли у нас, делегат. Дело в том, что в чистом пламени символического мартена выплавлялся и твой характер, коль скоро ты едешь туда, где будут представлены ум, честь и совесть нашей партии, страны. Что происходило с пламенем этого символического мартена? Какой «кислород» делал его более солнечным и щедрей?

Если символический кислород понимать как животворную силу, как доминирующую идею века, то она имеет название — ленинизм.

Исторический опыт показал, что животворная сила ленинизма разжигает революционный огонь в каждом честном сердце тружеников всего мира, огонь, способный выдать ту особую плавку, которая впервые в 1917 году пошла в изложницы самых главных путей общественного развития человечества.

Пролегла эта изложница и через твою душу, делегат, через души твоей многомиллионной родни. Скоро тебе предстоит напряженная работа на исторических заседаниях XXIV съезда КПСС. Это можно тоже назвать символической плавкой. Ты будешь стоять у того грандиозного мартена, который создавался партией Ленина.

Вся страна, весь мир чувствуют исполинскую мощь негасимого пламени этого мартена. Закипает сталь особой марки. И неведома нашему врагу ни одна из ее составных частей. Возьмем любую из них. Необоримые, рожденные самой жизнью, историей идеалы... Они с нами, во многом добыты в наших сердцах, обогащены в наших душах. Вера в светлый разум человека, в его способность переделать мир, выжечь на всех его континентах насилие, бесправие, тьму, невежество... И это с нами и только с нами. Нагляднейший полувековой опыт готовности защитить не только свою страну, но и все человечество от огня и меча мракобесов-поработителей... И это доподлинно с нами!

Многими удивительными свойствами отличается марка стали, которой предопределено служить и бронебойным снарядом, сокрушающим бастионы капитала, и броневым щитом коммунизма.

Итак, в добрый путь, делегат! Скоро наш солнечный мартен выдаст новую плавку.

Художник В. БРИСКИН. Издательство «Изобразительное искусство».

НАША ОБЩАЯ ЗАБОТА

Начало на стр. 1.

Помню тот день, когда мы, ткачихи, впервые прочли в газете проект Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану. Читали и радовались. Окружили меня подруги и говорят: «Всем сердцем голосуем! Так и передай, если в Москву поедешь». А как же не голосовать за проект Директив, в которых главная задача — улучшение нашей жизни. Каждая строка проекта Директив проникнута заботой о благе человека. Забота эта — в основе всей экономической стратегии партии.

В этой стратегии мы, текстильщики, не последнюю роль играем. Понимаем, что в повышении материального благосостояния трудящихся многое зависит и от нашего труда. Ткани, они ведь товар первостепенного значения...

По некоторым подсчетам, каждому из нас в житейском обиходе ежегодно нужно 200—240 метров тканей. Учитывается, понятно, все — от костюма и галстука до полотенца и оконной шторы. Я привожу эти цифры с тем, чтобы подчеркнуть ответственность, которая лежит и на мне и на моих товарищах.

Было время, когда Иваново называли «ситцевым царством» — на весь мир славились наши ситцы. А сейчас делаем и добротные камвольные ткани, и изумительные по красоте льняные, и гобелены. Но знаем, что спрос на них пока еще превышает предложение. Знаем, что повышение производительности труда — один из резервов увеличения выпуска продукции. В этом направлении и работает мысль лучших наших ткачих, продолжающих славные традиции своих землячек — вичугских ткачих Дуси и Марии Виноградовых. Вот, скажем, Софья Ксенофонтовна Дмитриева с нашей фабрики еще 13 марта 1970 года завершила свою личную пятилетку. Сколько же успела эта мастерица соткать сверхплановых тканей!

Как-то я задумалась: может, такое опережение возможно лишь при заниженных нормах? Мы тщательно изучили весь процесс, всю технологическую цепочку, проанализировали каждую операцию. И убедились: нормы правильные. В чем же дело? И сами себе ответили: новое оборудование всегда таит какие-то резервы. А когда эти возможности машин дополняются искусством ткачихи, когда ремесло переходит в новое качество, в мастерство, резко повышается производительность труда, качество тканей.

В январе и феврале производительность труда на ивановских предприятиях увеличилась почти на семь процентов, а численность работавших не выросла, а даже несколько сократилась. Конечно, первые месяцы нынешнего года не совсем обычны — канун съезда партии, каждый работает с особым подъемом. Но ведь так можно работать всегда!

Правительство выделяет все более значительные средства на реконструкцию текстильных предприятий. Нашу фабрику иногда называют «старушкой»: ей недавно сто лет исполнилось. Но от прошлого остались только стены. В цехах установлено новое оборудование, вместо механических станков — автоматические и пневматические бесчелночные. За пятилетие в Ивановской области коренным образом будет реконструировано 29 фабрик и комбинатов, построят две новые фабрики. В итоге производство тканей должно возрасти на 25, а производительность труда — более чем на 40 процентов. А если говорить об отрасли в целом, то намечается комплексно механизировать свыше 250 предприятий и около 800 цехов.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТКИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ НАРОДА НА ОСНОВЕ ВЫСОКИХ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И УСКОРЕНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

Мне как депутату Верховного Совета СССР приходится заниматься разными вопросами. Но если разобраться, то все они связаны с улучшением жизни людей. А жить мы стали богаче. Это каждый ощущает, в любом краю Советской страны. Но мне, конечно, прежде всего бросаются в глаза перемены в городе, где я работаю. Иногда захожу в магазин «Ткани» — он на первом этаже дома, где я живу. Интересуюсь, как идет наша продукция, что раскупают, что залеживается. Радостно отметить, что теперь люди берут преимущественно дорогие ткани: пришел достаток, появилась тяга к вещам повышенной добротности. А как приятно было в эти мартовские дни зайти в магазины, где продают мопеды, телевизоры, стиральные машины, плащи из «болоньи» или другие изделия, на которые недавно снижены цены,— покупок стало заметно больше, чем прежде. Восемьсот миллионов рублей сэкономит в год население страны от этого снижения цен.

Проводится газификация многоквартирных домов. Продолжается реконструкция водоводов. Построено 16 яслей и детских садов на три с половиной тысячи мест. За прошедшую пятилетку наша фабрика построила шесть домов, два из них кооперативные. Сам факт, что строятся и кооперативные дома, говорит о многом — значит, выросли заработки текстильщиков. Но желающих получить новую квартиру, улучшить жилищные условия еще много.

Конечно, и строить надо еще немало... Вот заложена клиническая больница на тысячу мест, хорошая больница и в хорошем месте — почти в лесу. Первая ее очередь на 450 мест уже вошла в строй.

За последние годы улучшилось пенсионное обеспечение, увеличена заработная плата отдельным категориям работающих. Теперь многие текстильщицы имеют право уходить на пенсию с 50 лет.

Недавно сберкасса камвольно-

СОЛДАТ МИРА

Памяти Рокуэлла КЕНТА

Рокуэлл Кент... Художник и писатель, мужественный путешественник, критик и публицист, страстный борец за счастье Человека, за мир!

Рокуэлл Кент. Он создал сотни прекрасных картин, в которых рассказал людям о своей ненасытной любви к природе, к Человеку! Его творчеству присущи ясность духа и та высокая простота, которая отличает искусство больших мастеров. Мудрость и эпичность отличают холсты живописца. В них перед нами предстает суровая и прекрасная природа любимой им Америки. Духом романтики овеяны его пейзажи.

Могучие кряжи гор, озаренные лучами восхода, просторные изумрудные степи, по которым мчатся вольные кони. Густые леса, тихие долины с тучными стадами... Побережье Атлантики. Люди труда, фермеры, рыбаки, пастухи.

Чистота и свежесть. Вот что придает особую прелесть полотнам Рокуэлла Кента. Мы словно слышим в них грозный шум морского прибоя, грохот обвалов в скалистых горах, пение ветра. Мы любуемся гладью великих озер, ледяным молчанием Арктики, синим сиянием высокого неба Аляски.

В начале XX века, в начале своего творческого пути, художник следует девизу своего учителя — замечательного американского художника Роберта Генри: «Писать не искусство, а жизнь». И эти слова призыва писать правду и только правду стали путеводной звездой всей жизни Кента. Его почти девяностолетняя долгая жизнь — это великая битва за справедливость, правду, за счастье простых людей. В сотнях гравюр и рисунков, в десятках картин, в своих книгах, в бесчисленных статьях и выступлениях предстает перед нами Рокуэлл Кент, непримиримый боец, солдат Мира...

Высоким признанием его благородной деятельности было присуждение Рокуэллу Кенту в 1967 году Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Художник с чувством гордости и признательности принял эту награду, а денежную премию передал в фонд помощи борющемуся Вьетнаму.

Его деятельность вызывала ярость у реакционных кругов Америки. Он был занесен в черный список Маккарти под номером один. Его преследовали и травили. Но Кент был непреклонен. Он горячо любил свой народ, свою великую страну и поэтому так страстно и гневно боролся против Америки расизма и милитаризма, мракобесия и гнета. Он бесконечно любил родину социализма, Советский Союз, был нашим верным другом. Вот что говорил Кент в своем письме в журнал «Огонек: «Я, американец, особенно глубоко осознаю, как горячо и мой народ и народы всего мира должны быть признательны советскому народу. Народы Европы обязаны Советскому Союзу тем, что были избавлены от опасности нацистского ярма и сохранили свою свободу ценой таких многомиллионных жертв и опустошений, каких еще никогда не знало человечество. Мы, американцы, должны быть благодарны советскому народу за пример того, как великий и сильный народ умеет жить и преуспевать, мирно сосуществуя со всем человечеством, борясь за сохранение и укрепление всеобщего международного мира.

...Да, окончательный и всеобщий мир. И теперь, когда я, побуждаемый сердцем, умом и совестью, пишу эти слова, я испытываю острый стыд при мысли, что моя собственная Америка, кичащаяся тем, что ее правительство «избрано народом и для народа», выступает как самая откровенная воинствующая империалистическая держава, ведущая с неведомой еще в истории жестокостью неспровоцированную войну с целью истребления народа, живущего далеко от наших границ! Как можно быть человеком, не взывая всем своим существом о мире?»

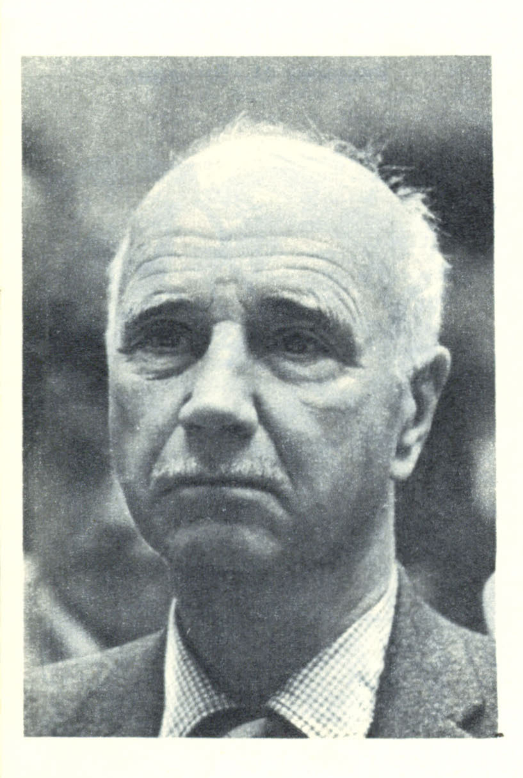
Эти слова звучат будто написанные сегодня, и в них весь Рокуэлл Кент — честный, прямой, страстный защитник свободы, рядовой солдат Мира!

го комбината заприходовала 35 тысяч рублей: текстильщики получили премию по итогам года. К слову, о камвольном комбинате. Это не предприятие, а подлинный дворец труда. Светлые, просторные цехи, отличные бытовые корпуса. Близ проходной — химчистка, парикмахерская, приемный пункт прачечной, ателье.

В Иванове многое делается для того, чтобы в городе было удобнее жить. Вошел в строй Дом быта, заметно увеличился товарооборот магазинов. С пуском в эксплуатацию канала Волга — Уводь чистая волжская вода пришла в наш город. Во всем этом — забота партийных и советских организаций, во всем этом — заметная доля труда каждого из нас.

Повышение материального благосостояния трудящихся — дело поистине всеобщее. Я это особенно остро ощущаю и на сессиях Верховного Совета СССР и на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР. Вся многогранная деятельность высшего органа государственной власти направлена на подъем экономической мощи страны, на более полное удовлетворение материальных и духовных запросов каждого из нас. Депутатская деятельность, работа в Президиуме Верховного Совета СССР стали для меня прекрасной школой жизни. Я вижу, как это реально получается—тесное переплетение интересов государства и отдельных его граждан, как рождается величайшей крепости сплав этих интересов.

...Близится день открытия XXIV съезда КПСС. Сегодня мы еще говорим — **проект** Директив съезда партии. Скоро слово **проект** отойдет в прошлое. Директивы XXIV съезда партии о новом пятилетнем плане станут законом нашей жизни. Но уже сегодня мы говорим: чтобы мечта наша обрела крылья, чтобы строки прекрасных планов стали реальностью, всем нам придется самоотверженно потрудиться. Ибо есть только один, единственно надежный источник богатства — труд.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЕРДИКТ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Николай ПАСТУХОВ

Логическая развязка — только так можно было бы охарактеризовать итоги проводившихся в Индии с 1 по 10 марта досрочных парламентских выборов. Эта развязка назревала длительное время.

Противоборство сил прогресса и реакции как внутри правящей партии Индийский Национальный Конгресс (ИНК), так и на политической арене страны в целом началось с первых дней независимости Индии, еще при жизни Джавахарлала Неру. С каким напряжением сил и упорством ему приходилось принимать решения по развитию индустриализации страны в рамках государственного сектора, аграрных преобразований, осуществлять политику мира, сотрудничества и дружбы со всеми народами! Эта политика встречала растущее сопротивление индийских монополий, помещиков, бывших феодалов, создававших, не без помощи внешних врагов Индии, правые партии — «Джан Сангх», «Сватантра» и оппозиционное крыло внутри ИНК.

Но неодолимый процесс развивался, росло национальное самосознание индийского народа, появлялись новые поколения молодых людей, симпатии которых были на стороне идей социализма. Постепенно это приводило к поляризации политических сил, неминуемому их столкновению. Оно произошло в первой декаде марта этого года и завершилось полным разгромом объединенного фронта правых партий. Как же наступила такая логическая развязка, историческое значение которой трудно переоценить?

В конце 1969 года правое крыло ИНК бросило открытый вызов премьер-министру Индире Ганди и ее многочисленным единомышленникам, выйдя из рядов партии. Эта группа, известная под названием «Организация Конгресса», или «Синдикат», вступила в блок с правыми партиями, стоящими на позициях воинствующего антикоммунизма, саботажа прогрессивных социально-экономических преобразований, подавления борьбы трудящихся за демократические права и свободы и выступающими за сдвиг внешнеполитического курса Индии в сторону сближения с империалистическими державами.

Новый альянс правых изменил соотношение сил в Народной палате парламента. «Правительство чувствует,— заявила Индира Ганди,— что в сложившейся ситуации оно не может идти вперед по пути осуществления объявленной им ранее программы и не в состоянии выполнять данные народу обязательства». Вместе с тем соотношение голосов в парламенте не соответствовало расстановке политических сил вне его стен. Широкие массы горячо поддерживали такие акции правительства, как национализация крупнейших частных банков, отмена пенсий и привилегий бывших феодалов, ограничение деятельности монополий и ускорение земельных реформ. Альянс правых, опираясь на свои голоса в Народной палате, открыто саботировал эти мероприятия. Правительство Индиры Ганди пошло на смелый и решительный шаг. По его рекомендации президент Индии В. В. Гири распустил Народную палату и назначил новые досрочные парламентские выборы.

На этих выборах индийский народ вынес свой вердикт. Победила историческая справедливость. Итоги выборов подтвердили политическую мудрость предпринятого правительством шага. В новом составе Народной палаты ИНК будет иметь 350 из 518 выборных мест. В прежнем парламенте у него было 228 депутатских мандатов. Это означает, что ИНК завоевал две трети голосов, необходимых для принятия наиболее важных решений. Коммунистическая партия Индии практически сохранила свои позиции в парламенте. Она имеет 23 депутатских мандата. Параллельная компартия будет иметь в парламенте нового созыва 25 депутатов. Обращает на себя внимание крупное поражение правого альянса. «Синдикат» потерял 49 мандатов, «Джан Сангх» — 13 мандатов, «Сватантра» — 34 мандата.

Одержана важная победа на пути дальнейшего прогресса Индии. «Это самый сильный ветер перемен,— отмечает газета «Нэшнл Геральд»,— который когда-либо проносился над нашей страной». Другая индийская газета, «Пэтриот», подчеркивает: «Выборы доказали, что индийский народ мыслит радикально и что в будущем мнение народа будет решающим фактором в управлении страной». «Наш народ,— указывает орган Компартии Индии «Нью Эйдж»,— вновь поднялся на исторические высоты... Сегодня и завтра следует сражаться так же впечатляюще и энергично, как это делалось на выборах».

Несмотря на то, что широкие круги мировой общественности приветствуют итоги индийских выборов, некоторые западные органы печати не сумели скрыть своего раздражения и тревоги за дальнейшие пути развития Индии. Получение ИНК квалифицированного большинства в парламенте, откровенно пишет английская газета «Дейли Телеграф», «представляет собой потенциальную опасность». Для кого? Об этом нетрудно догадаться: для тех, кто выполняет роль проводников империалистических интересов в Индии.

...Первая декада марта, несомненно, явится важной исторической вехой в жизни Индии, будет содействовать дальнейшей консолидации демократических сил и окажет большое влияние на будущее этой страны.

БАРРИКАДА. ПОСЛЕДНИЙ ЗАЩИТНИК.

ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ — 100 ЛЕТ

ЖИВЕТ В КАЖДОМ

У АФИШНОЙ ТУМБЫ.

Рисунки Н. Кривова.

Лев КОРОЛЕВ

В Париже многое напоминает о Коммуне. Буквально каждый камень здесь рассказывает о ее семидесятидвухдневной героической эпопее. Городская ратуша на берегу Сены, где было провозглашено первое в истории государство пролетарской диктатуры. Кварталы Бельвиль и Менильмонтан с их старыми домами и лабиринтами переулков, по которым отходили, отбиваясь от версальцев, федераты. Улица Рампонно, где на последней баррикаде прозвучал последний выстрел защитников Коммуны, кладбище Пер-Лашез, на котором Коммуна погибла, и Монмартр, где она родилась.

100 лет назад сюда по извилистой улочке Лепик в три часа ночи 18 марта тайком пытались пробраться солдаты Тьера, чтобы захватить пушки национальных гвардейцев. Знаменитый поэт-революционер Эжен Потье писал позже об этом утре:

Он осадил Монмартр, едва взошла заря.
И, провокацию поняв и негодуя,
Париж провозгласил Коммуну молодую.

Среди тех, кто первым поднял тревогу на Монмартре, был Жан Батист Клеман, поэт-коммунар, мэр 18-го округа Парижа. Его именем названа одна из площадей Монмартра, где сто лет назад восставший народ заставил отступить войска реакции. Песни Клемана вместе с другими мелодиями Коммуны звучат сейчас в Вильжюифе, одном из пролетарских пригородов французской столицы. Здесь, в театре имени Ромена Роллана, показывается спектакль «Коммуна в песнях».

«Наша постановка,— рассказал мне ее создатель, известный французский певец Мулуджи,—посвящается памяти героев Коммуны, которые, по словам Маркса, были готовы штурмовать небо. Сейчас идеалы, ради которых они

A l'occasion du centenaire
de la Commune de Paris
et a la veille du XXIVe
Congrès du Parti Communiste
de l'Union soviétique.
le grand Parti de Lénine
j'adresse l'expression
de mes sentiments fraternels
aux lecteurs de la Revue
Огонёк
[signature]

По случаю столетия Парижской Коммуны и накануне XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза — великой партии Ленина — я выражаю свои братские чувства читателям журнала «Огонек».

Жак ДЮКЛО

ИЗ НАС

боролись, воплощены в жизнь в Советском Союзе. Вот почему старые песни, которые мы поем, звучат не только как память о героическом прошлом, но и как призыв к светлому будущему».

За это будущее Франции борются наследники коммунаров, французские коммунисты. «Нам, сынам и внукам Парижской Коммуны,— говорил Марсель Кашен,— она дорога не только как великое историческое событие. Знамя Коммуны реет над нами в новых битвах за дело рабочего класса».

Коммунисты Франции торжественно отмечают 100-летие парижского восстания. По решению Центрального Комитета Французской коммунистической партии создана специальная комиссия по проведению юбилея. Жак Шамбаз — один из ее членов — рассказывает:

«Мы празднуем 100-летие Коммуны исходя, во-первых, из важного значения самого события, каким было парижское восстание. Во-вторых, мы стремимся сделать все, чтобы юбилейные торжества вошли как неотъемлемая часть в социальную и политическую борьбу, которая ведется в настоящее время пролетариатом нашей страны. Мы, коммунисты, подчеркиваем классовый характер Парижской Коммуны, говорим о ней, как о первой попытке установления пролетарской диктатуры, как о предвестнице революций XX века и, в частности, Великого Октября. Поэтому празднование 100-летия Коммуны имеет и национальное и международное значение. Двум крупным мероприятиям — демонстрации к Стене коммунаров и митингу в Париже мы придаем интернациональный характер, приглашая на него представителей всех стран, чьи сыны сражались на баррикадах Коммуны.

В связи со 100-летием Парижской Коммуны мы, французские коммунисты, делаем все, чтобы объяснить народу наши концепции передовой демократии, являющейся ответом на вопросы, стоящие перед страной. Вместе с тем мы всегда находились и будем стоять на позициях сочетания национальных задач с интернациональными интересами всего коммунистического и рабочего движения».

Сейчас во Франции проходит целая серия собраний и конференций, посвященных 100-летию Коммуны. На одной из них, которая состоялась в Доме электриков Парижа, выступил член Политбюро Французской коммунистической партии Жак Дюкло.

Товарищ Дюкло рассказал собравшимся о семидесятидвухдневной героической эпопее Коммуны, давшей первый в мире пример диктатуры пролетариата. В своем докладе ветеран Французской коммунистической партии говорил, в частности, о тесной связи, которая существует между Коммуной, Октябрьской революцией и рождением Коммунистической партии во Франции.

«Ленин,— заявил товарищ Дюкло,— использовал опыт коммунаров, когда во главе большевиков готовил Россию к революции. Эта революция явилась своего рода реваншем за поражение Коммуны и в других исторических условиях продолжила ее дело. Благодаря Октябрю появилась на свет наша партия,— сказал товарищ Дюкло.— И чем больше побед одерживает великая Советская страна, тем более притягательным для широких трудящихся масс становится дело, ради которого сражались коммунары. Это дело воплощается в жизнь в стране Ленина, в других странах социализма».

Владимир Ильич уделял большое внимание изучению опыта Коммуны.

18 марта 1909 года Ленин выступил перед русскими эмигрантами с речью о Парижской Коммуне. Он отмечал память Коммуны каждый год — или выступал с речью, или писал статью. За все время пребывания в Париже, пишет известный французский писатель, публицист и историк Жан Фревиль, Владимир Ильич не пропустил ни одного массового шествия к Стене коммунаров. Он выступал здесь с речью во время похорон Поля и Лауры Лафарг. Это было 20 ноября (3 декабря) 1911 года. В этой речи Ленин предсказал приближение торжества того дела, за которое боролись и погибали французские революционеры. Шесть лет спустя под руководством Ленина это дело победило в России.

О том, какое огромное значение придавал Ильич Парижской Коммуне, мне говорил и хранитель ленинского музея в Париже Антуан Лежандр. Этот уже совсем седой человек посвятил свою жизнь сохранению того, что связано с жизнью Ленина во Франции. Благодаря ему сегодня улицу Мари-Роз в 14-м округе Парижа знает каждый французский коммунист. Здесь в 1909—1912 годах находилась штаб-квартира русской революции. Здесь Ленин написал большое количество работ, которые сыграли важную роль для подготовки Октябрьской революции. На Мари-Роз Ленин написал и свою знаменитую статью «Памяти Коммуны». «Гром парижских пушек,— отмечал он,— разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас».

В справедливости этих ленинских слов мне довелось еще раз убедиться во время вечера молодежи, который проходил в парижском народном зале «Мютюалите». Тысячи юношей и девушек французской столицы и ее «красного пролетарского пояса» собрались здесь, чтобы посмотреть музыкально-хореографическую композицию, посвященную Парижской Коммуне. «На штурм неба» — так называется эта постановка, воспроизводящая в семи картинах эпизоды парижского восстания.

«Молодежь Франции,— сказал в беседе со мной генеральный секретарь Движения коммунистической молодежи Франции Роллан Фаваро,— хорошо знает, что дело Коммуны живет в свершениях и чаяниях советских людей. Своей борьбой, трудом юность Франции также стремится как можно быстрее создать условия для того, чтобы цели, за которые боролись коммунары, восторжествовали на французской земле вместе с победой демократии и социализма.

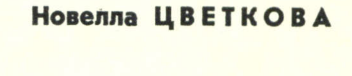
То, что создает ваш народ,— подчеркнул Роллан Фаваро,— является лучшим памятником славным коммунарам. Тьер, расстреляв защитников Коммуны, думал, что с социализмом покончено. История отбросила Тьера и ему подобных, а социализм сейчас утвердился в государствах с населением свыше миллиарда человек».

Французские коммунисты, все прогрессивное человечество, отмечая 100-летие Парижской Коммуны, усиливают борьбу за демократию, мир и прогресс, трезво оценивают наследие прошлого и смотрят вперед на намеченный Коммуной путь, который предстоит пройти французскому пролетариату.

Париж.

«VIVE LA COMMUNE!»

Новелла **ЦВЕТКОВА**

1

2

Историю, о которой я хочу рассказать, почти полвека хранят страницы «Огонька». Некоторые подробности ее я узнала из пожелтевших номеров «Правды» и «Известий» 1924 года. А потом самые разные люди, далекие и близкие к этой истории, дополнили рассказ, начало которого уходит в Париж 1871 года.

Уцелевшие архивные документы, свидетельства очевидцев, донесли до нас через минувшее бурное столетие горячее дыхание тех дней марта, когда мир был разбужен громовым кличем: «Да здравствует Коммуна!»

Два месяца спустя, дав миру «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века», Парижская Коммуна вошла в бессмертие.

Никто не знает, на какой из последних баррикад развевался простреленный пулями стяг революционного Парижа. Но твердо известно, что он побывал в руках защитников квартала Бельвиля, этого последнего оплота коммунаров.

Передо мной документ тех дней, последнее воззвание Коммуны:

«Граждане! Вы знаете, какая участь нас ожидает, если мы будем побеждены... Итак, к оружию и не выпустим его из рук, пока не победим!»

В тот день, когда были написаны эти строки, Коммуне оставалось жить только четыре дня.

...В полдень 28 мая с баррикады Парижской улицы прозвучал последний выстрел из пушки Коммуны. В 2 часа дня с другой баррикады, на улице Рампонно, последний боец, неизвестный герой, оставшись совсем один, отстреливался еще с четверть часа. Зловещая тишина опустилась на Бельвиль. Коммуны больше не существовало. Но в парижском подполье член Коммуны Эжен Потье, предчувствуя близость того времени, когда к могилам его павших товарищей придет победивший пролетариат мира, набрасывал пламенные строки:

«Вставай, проклятьем заклейменный!»

Никто не знает, на какой из последних баррикад Парижа развевалось это простреленное пулями знамя, но оно не досталось врагам и было сохранено для потомков.

А теперь взгляните на снимок (1). Он был сделан в 1924 году на кладбище Пер-Лашез, 53 года спустя после расстрела коммунаров. Перед вами со спасенным знаменем Коммуны ветераны рабочего движения Франции. Событие, которое собрало этих людей у Стены коммунаров, было чрезвычайным. Вот что написано в письме, полученном из Парижа в конце мая 1924 года Московской партийной организацией:

«Дорогие товарищи! Коммунистическая организация XX округа департамента Сена единогласно постановила вручить коммунистам Москвы знамя одного из батальонов Парижской Коммуны... Оно было спасено коммунаром, которого уже нет в живых... Мы извещаем вас, что 24 мая около двух тысяч революционеров XX округа, созванные Коммунистической партией, собравшись в Бельвиле, поклялись на этом знамени посвятить все свои силы защите русской революции... 25 мая у Стены коммунаров пролетариат дефилировал мимо знамени Коммуны 1871 года.

За XX округ Парижа Фуркад, старый борец Коммуны...»

Эту фотографию (2) мы пересняли с первой страницы тридцатого номера «Огонька», вышедшего в июле 1924 года. Под снимком подпись: «...6 июля на Октябрьском поле состоялось торжественное вручение Красного Знамени парижских коммунаров пролетариату СССР... Всесоюзный староста М. И. Калинин произносит речь перед трудящимися, собравшимися на торжество. Рядом с Калининым — генеральный секретарь

Р. Диденко. В. И. ЛЕНИН, Н. К. КРУПСКАЯ и Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ У СТЕНЫ КОММУНАРОВ.

Музей Маркса и Энгельса. Москва.

И. Репин. ГОДОВОЙ ПОМИНАЛЬНЫЙ МИТИНГ У СТЕНЫ КОММУНАРОВ НА КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ В ПАРИЖЕ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

Сенской федерации французской компартии тов. Кост, привезший знамя в Москву».

В эти же дни «Правда» опубликовала рассказ о том, что происходило на Октябрьском поле: «...12 часов 40 минут — в глубине поля показывается французская делегация, несущая знамя парижских коммунаров, встреченное звуками рабочего гимна и восторженной овацией трудящихся... Славное знамя парижских коммунаров представляет из себя приблизительно полутороаршинные по длине и три четверти аршина в ширину, сшитые куски черной и красной материи, прикрепленные к обыкновенному красному древку».

Оркестр грянул «Интернационал», его подхватило все поле. С высокой трибуны, украшенной Гербом Союза Советских Социалистических Республик, послышалась неторопливая речь М. И. Калинина: «Сегодня мы справляем первую годовщину первого в мире СССР... И первому революционному рабоче-крестьянскому правительству, которое имело своего предшественника пятьдесят три года тому назад в Париже, французский пролетариат прислал... знамя, побывавшее в боях парижских коммунаров...» Товарищ А. Кост, опустившись на колено, под крики «ура» передал знамя представителю Московской партийной организации.

И снова под московским небом зазвучал величественный гимн, слова которого были рождены в революционном Париже 1871 года. Встреченное троекратным орудийным залпом, знамя парижских коммунаров поднял над трибуной рабочий с Красной Пресни. Кто он был? К сожалению, этого точно узнать не удалось, хотя от ветеранов-краснопресненцев я слышала, что им был активист райкома комсомола Григорий Фурлетов. Вместе со знаменосцем-краснопресненцем в наш рассказ входит еще одно знамя. Вот оно на фотографии (3). «Храброму и славному авангарду французского пролетариата и трудящимся Парижа,— написано на развернутом полотнище.— Пролетарии Парижа, будьте достойны героев Парижской Коммуны! Примите это знамя».

Я показала эту фотографию А. Н. Грампу, который был в те дни секретарем Краснопресненского райкома комсомола. «Да,— сказал он,— это то самое знамя, которое боевая Красная Пресня вручила на Октябрьском поле руководителю делегации французских рабочих, а рядом с ним я узнаю многих краснопресненцев. Даже и сейчас, спустя много лет, хорошо помню ту атмосферу взволнованности и торжественности, которую ощутили все мы, свидетели знаменательного события. Но дальнейшая судьба знамени мне неизвестна». Тогда я положила перед А. Н. Грампом второй снимок (4). Вот подпись к этой редкой фотографии, опубликованной «Огоньком» 24 августа 1924 года: «В ответ на посылку знамени Парижской Коммуны... московские рабочие послали свое знамя парижским коммунистам. В день годовщины войны это знамя впервые предшествовало массовой манифестации, направляющейся к могиле Жореса».

...Через несколько дней после репортажа о торжествах на Октябрьском поле в «Правде» появились такие строки: «Вчера, 1 августа, московские рабочие провожали знамя Парижской Коммуны, переданное МК РКП(б) для укрепления его в Мавзолее Ленина... Маленький, изорванный в борьбе и подпольных хранилищах, выцветший флаг гордо высился над шеститысячной колонной московских рабочих и работниц. От здания Московского Комитета до Мавзолея знамя нес секретарь МК тов. Антипов... Подойдя к Красной площади, оркестр заиграл траурный марш... Первые ряды колонн внесли драгоценное знамя. Оно было укреплено в траурной застекленной раме перед прахом великого вождя на стене Мавзолея» (5).

Здесь знамя хранилось только до начала перестройки Мавзолея в 1929 году. О его дальнейшей судьбе рассказывает документ, который я прочитала в Центральном музее В. И. Ленина. В нем говорится, что знамя «было передано в Музей Революции СССР, а оттуда поступило в Государственную оружейную палату... положенное на коричневый материал, оно было закреплено шелковыми нитями. При знамени — суконный бант».

Главный хранитель государственных музеев московского Кремля, а прежде директор Оружейной палаты Н. Н. Захаров рассказал мне:

— Шел 1941 год... Музей вместе со всеми государственными ценностями был эвакуирован на Урал. И вот однажды из Москвы приехал посыльный и передал мне из рук в руки пакет. Я открыл его и увидел знаменитую реликвию французских коммунаров. Дел у нас в ту пору было очень много, ведь все, что вы видите сегодня в многочисленных залах палаты, находилось в ящиках, и наша задача была сохранить это богатство народа в хорошем состоянии. А сотрудников было мало. Собрались мы все, глянули на знамя — уж очень оно было ветхим. И вот тут отличилась наш старейший реставратор Анна Петровна Клюйкова — чуть ли не по ниточкам собрала славное знамя... А с Урала знамя вернулось вместе с нами, кажется, в феврале 1945 года и оставалось в палате до 1957-го, когда мы передали его Центральному музею В. И. Ленина, где оно хранится и сейчас.

Наш рассказ о судьбе знамени, спасенного сто лет назад на последних баррикадах Парижа, подходит к концу. Остается напомнить о событиях, очевидцами которых мы были сами. Вспомните утро 12 октября 1964 года. «Внимание! Внимание!.. Говорит Москва. В Советском Союзе на орбиту спутника Земли новой мощной ракетой-носителем впервые в мире выведен трехместный пилотируемый космический корабль «Восход».

Трое советских богатырей, штурмовавших космос, Владимир Комаров, Константин Феоктистов и Борис Егоров, пронесли тогда вокруг земного шара частицу знамени Парижской Коммуны — алый суконный бант.

В далеком 1924 году, принимая это знамя, московские рабочие поклялись: «Мы поднимем знамя Коммуны на такую высоту, чтобы оно было видно угнетенным во всех уголках земного шара». И это свершилось.

3

4

5

Под таким девизом «Огонек» совершил путешествие по стране и рассказал о рубежах, достигнутых народным хозяйством союзных республик в минувшей пятилетке. Наши корреспонденты побывали во всех союзных республиках и познакомили читателей с выполнением Директив XXIII съезда КПСС по восьмому пятилетнему плану.

Сегодня мы публикуем последний репортаж из этой серии — из Литвы, с Алитусского завода бытовых холодильников.

4,1 миллиона холодильников было произведено в нашей стране в прошлом году, на 12 процентов больше, чем в 1969 году.

«ЛИТОВСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА... Организовать массовое производство... бытовых холодильников», — так сказано в Директивах XXIII съезда КПСС.

ВОКРУГ «СНЕЖИНКИ»

О. КУПРИН

ОДНО СЛОВО ПО-ЛИТОВСКИ

...Вчера с вечера был туман. А сегодня — мороз и яркое солнце. Деревья стоят в роскошных кружевных мантиях — сказка! В замерзшее окно автобуса не очень-то все и разглядишь. Иду к ветровому стеклу и становлюсь рядом с шофером. Сделать это нетрудно, автобус почти пустой. На этом маршруте такое, как я понял, случается часто. Автобус идет из центра Алитуса в новый промышленный район. Утренняя смена уже работает, вторая — еще отдыхает. Ехать по этому маршруту больше некуда, кроме как с работы или на работу.

За окнами автобуса — фейерверк снежинок под лучами солнца. Шофер что-то говорит мне по-литовски. Ничего не понимаю, кроме одного слова — «снайге»: так называются холодильники, которые делают в этом городе. Но шофер говорит не о холодильниках, а о сегодняшней погоде: «снайге» в переводе на русский — снежинка.

ТЫСЯЧА МЕЛОЧЕЙ

Первый раз «Снежинку» я увидел в Каунасе. На одной из центральных улиц города стоит высокое современное здание. Стекло и бетон. О времени постройки двух мнений быть не может. В этом доме — большой магазин хозяйственных товаров. Зашел. На одном этаже — всякие мелкие домашние хитрости, вроде магнитных мыльниц, замысловатых кухонных наборов, симпатичных колец для штор, всевозможных пластмассовых стаканов, вазочек, банок, ведер и прочего. На другом этаже — химия: стиральные порошки, лаки, краски, пасты. Еще этажом выше — электротовары: стиральные машины, настольные лампы, электробритвы и так далее.

Короче говоря, под одной крышей тут собрано несколько магазинов. К таким магазинам мы привыкли, и никаких особых чувств они не вызывают, зато собранные вместе в таком большом здании наводят на мысль о технической революции в быту. Я еще раз прошел по этажам арсенала домашней техники и прикинул: лет двадцать назад по меньшей мере половины этих приспособлений, инструментов, машин мы не знали.

В отделе электротоваров стоят холодильники разных марок. И литовская «Снайге» — «Снежинка» — в общем ряду. «Какой холодильник пользуется наибольшей популярностью?» — спросил я у директора магазина И. И. Даукшевичюса. Ответ короткий: «Все». «И «Снайге»?» «Конечно. Холодильники пока дефицит», — говорит директор.

Холодильники за последние двадцать лет буквально ворвались в наш быт. Но их еще мало. И принимаются все меры, чтобы они перестали быть товаром дефицитным. «Снайге» — одна из таких мер.

И ДР.

В кабинете директора завода холодильников — громадные окна. Отличная панорама нового промышленного района. Современный индустриальный пейзаж. Корпуса цехов и башня административного здания — это хлопчатобумажный комбинат, тоже построенный за прошедшую пятилетку. Где-то за ним возводится домостроительный комбинат — будет делать дома для сел. По другую сторону от завода холодильников растет мясокомбинат.

Директор говорит с кем-то по телефону. Я достаю блокнот, чтобы записать первое интервью. В блокноте уже есть одна запись. Всего двадцатилетней давности. «Алитус — город, центр Алитусского уезда... Мукомолье, лесопильная промышленность, небольшой завод сельскохозяйственного машиностроения, скипидарно-канифольный завод и др.». Все предприятия нового промышленного района объединяются теперь в этом безликом «и др.».

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЗАВОД

Это было в 1963 году. У здешнего машиностроительного завода арендовали помещение цеха и решили выпускать тут холодильники. Весь штат будущего завода — шесть человек. Ни один из них никакого отношения к производству холодильников не имел. Пришлось отправиться учиться в разные города.

— В первый день, — рассказывает Раймондас Паулаускас, — мы только и делали, что курили. Директор ходил по разным городским организациям, а остальным пятерым и делать было нечего. Потом началась такая работа, что не до перекуров. В канун шестьдесят четвертого года мы собрали первые двадцать пять холодильников.

В то время Паулаускас был конструктором, сейчас у него самая беспокойная должность — начальник производственного отдела. Новый завод по площади больше старого цеха в семнадцать с половиной раз.

...ТОНКАЯ И ТОЧНАЯ

Сборочный цех. Две линии конвейера. На одной — «Снайге-1М», на другой — «Снайге-8». Первый — в деревянном корпусе, второй — в металлическом. Но корпус — это в последнюю очередь. Сначала надо собрать агрегат. Гирлянда агрегатов громадной петлей перехлестывает цех. Она медленно плывет над полом, постепенно обрастает деталями, и, наконец в агрегат впрыскивают фреон. Низкую температуру в холодильнике создает кипящий фреон. «Но и под снегом иногда бежит кипучая вода», — писал М. Лермонтов. Тут не вода, а фреон. И все-таки странно: кипение рождает холод? Ничего странного: фреон, когда кипит, отводит в испарителе тепло от окружающей среды и охлаждает ее. И та порция фреона, которую ввели в агрегат на заводе, затем многие миллионы раз переходит из жидкого состояния в газообразное и обратно, не иссякая. Агрегат холодильника может работать десять, пятнадцать и двадцать лет.

И работает. Правда, не всегда так, как нам хочется. Но не торо-

«Снежная» рапсодия. Фото К. Каспиева.

питесь бранить тех, кто делает такие необходимые нам белые шкафы. Холодильник — предмет домашнего обихода. Холодильник — довольно сложная машина. И, стало быть, холодильником при всей его машинной сложности пользуются неспециалисты и хотят делать это без перерыва на ремонт лет двадцать. И плюс к тому еще желают иметь вещь компактную и красивую. Смотрите, сколько сразу требований. Чуть ли не столько же, сколько мы предъявляем к пассажирскому самолету. Во всяком случае, точность в производстве холодильников на некоторых участках должна быть «самолетостроительной».

Я долго стоял перед не очень эффектным на вид прибором, который определяет, нет ли утечки фреона из агрегата. Чутье у него феноменальное: он забьет тревогу, если обнаружит утечку, равную половине грамма в год. Говорят, что он даже может обнаружить человека, который дня два назад слишком весело справлял день рождения. По запаху.

Так что работа тут тонкая и точная.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бронюс Казлаускас родом из Алитуса. Самый что ни на есть коренной житель. Он не любитель путешествий и потому уезжает из своего города нечасто. И только война забросила Бронюса далеко от родного Нямунаса, в Берлин, в 1945 году. Солдатом Советской Армии он стал, как только она освободила Алитус. В 1944 году бои тут развернулись долгие и ожесточенные. От некогда уютного городка почти ничего не осталось. Когда Бронюс вернулся домой, город по-прежнему лежал в руинах, хотя прошло к тому времени три года после окончания войны. Собственно, иного Казлаускас и не ожидал увидеть. Война — общая беда, общее горе.

Бронюс стал сварщиком, потому что считал, что именно люди этой профессии лучше других умеют лечить раны машин, фабрик, городов. На заводе холодильников он был в той самой шестерке, которая начинала новое дело. Сколько с тех пор прошло через его руки холодильников — не сосчитать!

Недавно из армии вернулся сын Бронюса. Вернулся и не узнал своего тихого Алитуса. Новый город вырос. Удивление демобилизованного солдата можно понять. Сравните: в 1959 году в Алитусе было 12 тысяч жителей, в 1965 году, к началу пятилетки,— чуть меньше 18 тысяч, сейчас — 28 тысяч. И новый завод, где работает отец, и новый промышленный район...

Такими были две встречи с Алитусом после возвращения из армии. Между ними 22 года.

СЕГОДНЯ — ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Мысли Р. А. Найдушкявичуса были далеко от «Снежинки». И не потому, что Ромуальдас Альфонсович живет не в Алитусе, а в Вильнюсе. Дело в том, что я застал его в 1990 году. Мой собеседник — ученый секретарь Института экономики Академии наук Литовской ССР.

— Сейчас мы занимаемся перспективами развития республики в девяностых годах. А тем периодом, который вас интересует, мы занимались очень давно. Поэтому я могу рассказать только в общих чертах.

Не так-то просто вернуть человека на 20 лет назад в сегодняшний день. Итак, «Снежинка» с точки зрения экономиста.

— Мы считаем, что наибольшая численность населения крупного промышленного центра нашей республики должна быть двести—триста тысяч человек. У нас таких было два — Вильнюс и Каунас. Вокруг них образовались промышленные районы. В восьмой пятилетке решено было создать в республике несколько новых промышленных районов. Центром одного из них стал Алитус. Именно этим объясняется такое бурное развитие города за пять лет, строительство там современных предприятий, в том числе и завода холодильников, выпускающего «Снежинки».

Мы расстались. Я вышел на вильнюсскую улицу 1971 года, Найдушкявичус вернулся в свой 1990 год.

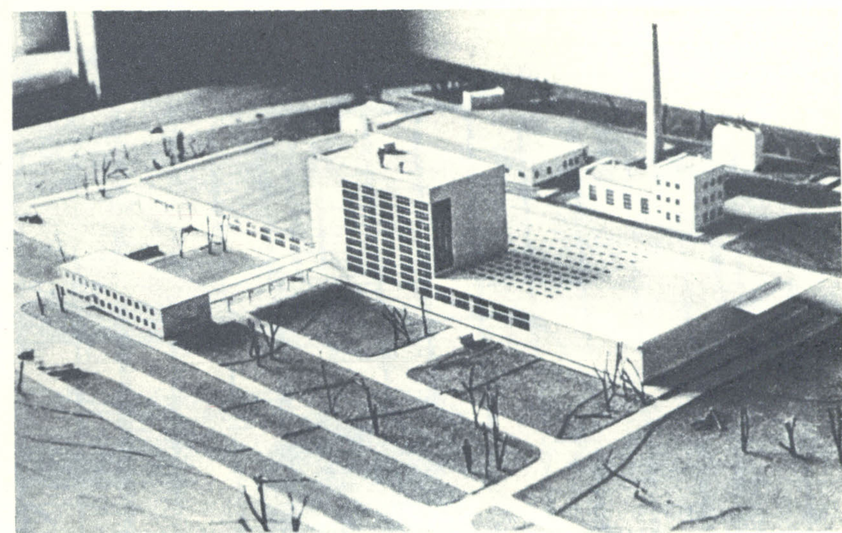
...И НЕСКОЛЬКО СЛОВ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

«Зима», «Донбасс», «Океан», «Памир», «Оазис», «Каспий», «Морозко»... Это названия новых холодильников, которые выпускают заводы, построенные за прошедшую пятилетку. «Зима» по-молдавски звучит так: «Ярна», «Донбасс» родом из Донецка, «Океан» — из Уссурийска, «Памир» — конечно же, из Таджикистана, «Оазис» — из Узбекистана, а «Каспий» — с берегов Каспийского моря, из Баку. В паспортах холодильников вы встретите сейчас многие города: Минск, Ростов, Астрахань, Смоленск, Великие Луки... Все это новые адреса.

Вот короткий комментарий по этому поводу Константина Григорьевича Антипова, заместителя начальника главка Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР:

— Для нас прошедшая пятилетка связана с громадным событием: создана новая современная отрасль промышленности, производящая бытовые холодильники. Их выпускали, конечно, и раньше, но неспециализированные предприятия. И хорошо делали и делают. Авторитет холодильника с автомобильной маркой «ЗИЛ» тому пример. А вот современная отрасль промышленности бытовых холодильников, повторяю, практически создана лишь в минувшую пятилетку. Заводы, относящиеся к нашему главку, увеличили за пять лет производство холодильников более чем втрое. «Ярна», «Снайге»...

Антипов уверенно произносил слова, пришедшие в его деловой лексикон из разных языков народов нашей страны. Пройдет немного времени, и они станут привычными для каждого из нас, войдут в наш быт.

Так выглядит в макете новый Истринский завод.
Фото В. Готилова.

НАМ РАССКАЗЫВАЮТ В МИНИСТЕРСТВАХ

ВЗРОСЛЫМ И МАЛЫШАМ

Наши завтраки, обеды, ужины с каждым годом становятся все питательнее, обильнее, вкуснее. В минувшей пятилетке потребление мяса в расчете на душу населения выросло в год на 7 килограммов, молока — на 56 килограммов. А что готовят нам работники пищевой промышленности в наступившем пятилетии?

Министерство пищевой промышленности СССР

ПОД ЗНАКОМ КАЧЕСТВА

— Рост, рост и еще раз рост — вот, в общем-то, задачи пищевой промышленности на девятую пятилетку,— говорит заместитель начальника планово-экономического управления С. Д. Лосев.— Увеличение ассортимента и улучшение качества продукции, строительство крупных, современных, прекрасно оснащенных заводов и фабрик. В 1970 году предприятия министерства произвели более чем на 33 миллиарда рублей продукции, а в новой пятилетке это производство возрастет на 32 процента. Значительно увеличится выпуск сегодня еще дефицитных товаров — растворимого кофе, консервированной томатной пасты, зеленого горошка. Особое внимание — новым и улучшенным изделиям. Лишь в прошлом году освоено более 700 новинок.

— К концу пятилетки только предприятия министерства должны произвести 3 миллиона 500 тысяч тонн сластей,— рассказывает начальник управления «Главкондитер» А. И. Гусаков.— Столько не вырабатывалось еще ни в одной стране мира. Нам показали образцы намечаемых к выпуску изделий. Признаемся, глаза у нас разбежались. Шоколадные конфеты с самыми различными начинками — кремовыми, сливочными, ореховыми. Пикантные шоколадные батончики с цукатами, представленные ленинградцами. Рассыпчатые вафли «Смородинка» — изделие украинских мастеров. Наровлянская фабрика из Белоруссии предложила вкусный и очень красивый мармелад — с виду настоящее яблоко. Это, так сказать, для лакомок здоровых. А если вам досаждают болезни? Литва будет выпускать мармелад двухцветный с добавкой йода — для людей с заболеваниями щитовидной железы. Там же освоен конфетный набор «Квартетас» на ксилите для диабетиков. Латвия тоже позаботилась о людях, страдающих диабетом,— для них конфеты «Ежик»...

Известно, что во время соревнований спортсмены теряют очень много энергии. Как быстрее восстановить ее? Над этим задумались сотрудники Ленинградского института пищевой промышленности и изобрели кондитерские изделия со специально подобранной гаммой белков и витаминов, которая помогает скорейшему восстановлению энергии.

В заключение Алексей Иванович сказал:

— Совсем недавно вся слава доставалась московским фабрикам, и очень радостно, что сейчас им ни в чем не уступают ни украинские кондитеры, ни волжане, ни прибалтийцы, ни белорусы. В прошлой пятилетке знаком качества было отмечено более 90 кондитерских изделий. И очень многие периферийные фабрики увезли этот знак с собой...

Вот какой богатый ассортимент на 1971 год предложила столичная фабрика «Красный Октябрь».
Фото М. Савина.

Министерство мясной и молочной промышленности СССР

ВНУШИТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

— Предстоит резко увеличить производство мяса и всевозможных мясных продуктов, — рассказывает главный инженер управления «Главмясопром» З. М. Азарх.— За пять лет мы должны ввести в строй более 20 процентов от всего количества производственных мощностей, созданных в мясной промышленности страны за полвека Советской власти. Внушительная цифра, не правда ли? Особое внимание будем уделять производству диетических высококачественных продуктов — кроличьего и птичьего мяса, колбасных изделий, а также обеспечению населения полуфабрикатами, особенно в мелкой расфасовке.

Для этого нужно построить очень много новых предприятий: 107 мясокомбинатов, 47 мясоперерабатывающих заводов, а кроме того, реконструировать более 50 ныне действующих. И если раньше мы строили предприятия, вырабатывающие до 30 тонн мяса за смену, то ныне мощность их будет 50, а то и 100 тонн в смену. Это позволяет внедрять современное, высокопроизводительное оборудование, автоматические и полуавтоматические линии, это значительно повышает производительность труда и снижает затраты на строительство.

— А какие новинки планирует ваша промышленность? — поинтересовались мы.

— Вы, конечно, знаете, что любая хозяйка охотнее покупает мясо парное, чем замороженное. Вообще-то оно не парное, а охлажденное до плюс четырех градусов. Такое мясо гораздо выше по качеству, и в новом пятилетии будем его продавать примерно в полтора раза больше, чем сейчас.

Вот еще подарок хозяйкам. Начнем осваивать выпуск автоматических устройств, которые формуют сосиски без оболочек и упаковывают их в полиэтиленовые мешочки по 5—6 штук. Вы бросаете пакет в кипяток, а затем, разорвав упаковку, принимаетесь, скажем, за завтрак. Это очень удобно.

Т. М. Горошков, главный инженер Всесоюзного объединения «Главконсервмолоко», рассказал нам о строительстве заводов, которые будут производить продукты детского питания.

— Таких заводов всего четыре,— говорит Тимофей Михайлович.— Вроде бы немного, но производительность их такова, что они полностью обеспечат самых маленьких граждан нашей страны. Два завода сухого быстрорастворимого молока в городе Гагарине, Смоленской области, и в Волковыске, где будут выпускаться продукты для детей, уже сданы в эксплуатацию. Строительство заводов в подмосковной Истре и в Хороле, Полтавской области, завершится в нынешнем году. Эти заводы — с закрытой технологической схемой. Молоко здесь пройдет длинный путь, прежде чем стать готовым продуктом, и на всем пути его не коснутся руки человека.

Все заводы будут работать по заранее заданной программе с управлением технологическими процессами через центральный пульт.

Автоматы упакуют продукты, именуемые «Малютка» и «Малыш», в ламинированную фольгу, позволяющую сохранять их до 8 месяцев. «Малютка» — для самых крошечных — от рождения до полутора месяцев. Это сухая молочная смесь, содержащая все необходимые ребенку белки, жиры, углеводы, минеральные вещества и витамины — словом, все то, что грудные дети обычно получают с материнским молоком. А «Малыш» рекомендован более солидным гражданам — от месяца до года...

ПРОЕКТ ДИРЕКТИВ XXIV СЪЕЗДА КПСС ПО НОВОМУ ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ УВЕЛИЧЕНИЕ

на 33–35% ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ В ПИЩЕВОЙ, МЯСОМОЛОЧНОЙ И РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В ТОМ ЧИСЛЕ

на 40–43% МЯСА

на 29% ЦЕЛЬНОМОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

Министерство авиационной промышленности СССР

СНЕГОХОД, «АГИДЕЛЬ», «ОРБИТА»

Необычная пепельница из керамики — черно-желтая, похожая на какую-то странную неземную машину — украшает стол Ф. А. Мелихова, работника Министерства авиационной промышленности СССР.

— Что это,— спрашиваем мы,— фантазия художника?

— Вовсе нет,— улыбается Федор Алексеевич.— Перед вами макет снегохода, или мотонарт. Готовимся сейчас к их выпуску. Удобнейшая вещь! В районах северных, на заснеженных просторах эта гусеничная машина просто незаменима. Управляют снегоходом примерно так же, как велосипедом. Вмещает он двух пассажиров. Но можно его снабдить и прицепом. И тогда мотонарты потянут груз до трехсот килограммов.

Федор Алексеевич Мелихов, заместитель начальника Главного управления сбыта и гражданской продукции министерства, рассказывает о новых товарах, которые производят и готовят к выпуску авиационные предприятия:

— На что же обратить ваше внимание? Ведь мы выпускаем около пятисот наименований таких изделий и в необычайно широком ассортименте — от лодочных моторов, холодильников, спортивных принадлежностей до детских игрушек, сувениров, дверных замков и прочих нужных мелочей... А не пройтись ли в наш демонстрационный зал? Там вы сами выберете, о чем рассказать читателям...

В зале собрано множество добротных, хороших вещей, необходимых в быту. Предприятия министерства славятся, например, магнитофонами. Вот новинка, выпуск которой налаживается сейчас,— магнитофон «Орбита-3». Портативный, изящный, он может звучать без остановки три часа. Да к тому же способен работать синхронно с кинопроектором. Пожалуйста, снимайте любительский фильм и озвучивайте его с помощью «Орбиты-3». Работает он и от сети и от батареек, и его можно брать с собой в туристский поход.

Неподалеку от магнитофонов разместился стенд с фотоаппаратами. Давно прославившиеся и новый, «Микрон». Обычно фотоаппараты дают 36 кадров, а «Микрон» — вдвое больше. Работает автоматически. Нужно только правильно навести на резкость, а потом аппарат сам выбирает и выдержку и диафрагму.

У мужчин уже завоевали популярность электробритвы последнего выпуска — «Эра», действующие по вибрационному принципу и потому не только бреющие, но и массирующие, и «Агидель» — с плавающими ножами. А вот подарок для любой домохозяйки — переносная двухкомфорочная плита, работающая от газового баллона. Она незаменима летом на даче. Наверное, понравится женщинам и красивый удобный набор кухонной посуды.

И еще одна новинка: набор для сушки грибов. Несколько алюминиевых цилиндров со спицами ставятся один на другой, а затем это сооружение водружается на плиту. За четыре часа можно насушить боровиков на целую зиму...

Н. ВЕРИНА

НАРОД У НАС МУЗЫКАЛЬНЫЙ

С Федором Васильевичем Бондарем, мастером по настройке и ремонту пианино и роялей, я никак не мог встретиться. То он в командировке где-то в Молдавии, то в Ивано-Франковской области. Наконец, я его поймал — на Воздухофлотском шоссе, в мастерской, что является одним из филиалов киевского завода «Рембыттехника», и спросил: почему он все разъезжает, разве у него нет в Киеве работы?

— Что вы! Работы и дома полно,— возразил Бондарь.— Но у нас в мастерской «клавишников» все же двенадцать человек, а вот в других городах мастеров не хватает. Потому и ездим по вызовам то туда, то сюда. А работы, скажу я вам... Вот уже больше двадцати лет на этом деле, только когда начинал, то частенько выпадало трудиться вполсилы. Ну чем тогда наши люди были богаты? «Франц Вирт», «Венские рояли», кое-что свое, довоенного выпуска. Один раз в неделю идешь, бывало, на вызов к одним и тем же клиентам — их можно было по пальцам сосчитать — и заранее знаешь, что мороки будет... Все больше старье попадалось, рухлядь, а не инструмент. А нынче... Не знаю, ведет ли кто статистику, но мне, честное слово, порой кажется, что в Киеве в каждой третьей квартире — пианино. Недавно вызвали меня в новый район города, на Никульскую Борщаговку. Только начал инструмент настраивать — со всех подъездов потянулись люди в эту квартиру, и все просят: и ко мне зайди, взгляни на пианино, подладь или просто скажи: удачный ли экземпляр мне попался, хорошо ли звучит? Ну просто не успеваешь всюду. Как-то я целый месяц работал без выезда из города, прямо запарился. И мои коллеги — то же самое. Тысячи новых пианино появились. В наших краях клавишные инструменты все больше черниговского производства. Вначале на них покупатели в очередь записывались, теперь купить можно свободно — фабрика мощная.

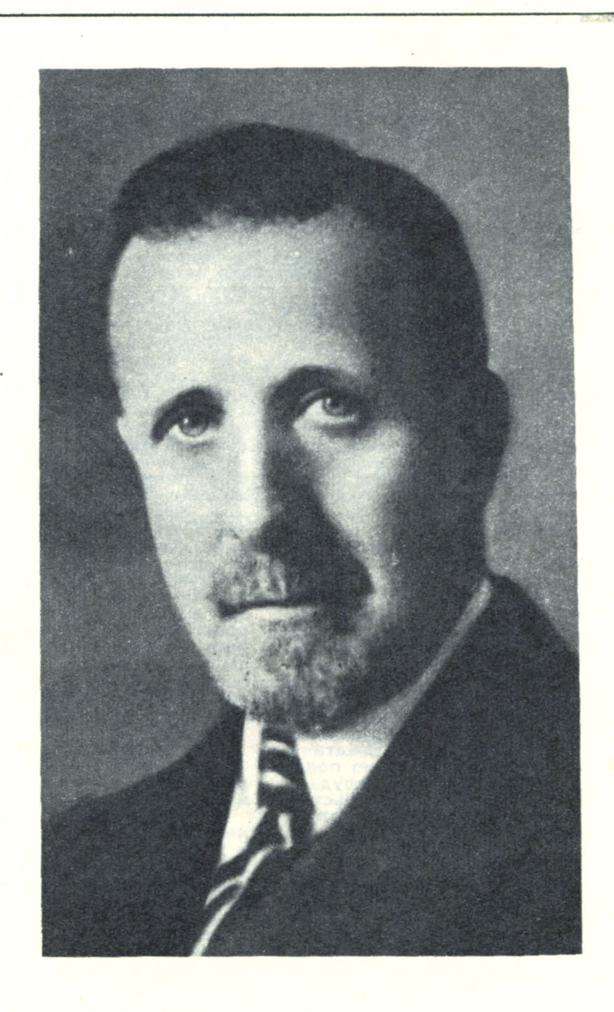
И на периферии та же картина,— продолжает Федор Васильевич.— Возьмите Ивано-Франковскую область, недавно я побывал там в Надворной и в Галиче. Что телевизор, что пианино — это ныне в доме вещь обычная. Дети чуть не поголовно все музыкой занимаются...

Народ у нас музыкальный, спрос на инструменты огромный, и выпускаем мы их много, может быть, больше всех в мире. Только на качество побольше надо нажать. Откровенно скажу, старые образцы, например, ленинградского завода «Красный Октябрь», вызывают больше доверия, чем, скажем, новая продукция Одесской музфабрики. Да и черниговцам улучшить свою продукцию следовало бы. Это у меня такое пожелание. И пусть не обижаются. Каждый должен дело свое совершенствовать...

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»
Фото И. Яицкого.

Николай ТИХОНОВ

О ГЕНРИХЕ МАННЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Это было в июне 1935 года в Париже. Стояли жаркие дни, но в большом зале «Мютюалите» было еще жарче, чем на улице. Международный конгресс писателей в защиту культуры был в полном разгаре. Звучали пламенные речи на всех языках мира.

Конгресс происходил в те дни, когда в центре Европы, в так называемой Третьей империи, жгли не только книги знаменитых писателей, но обещали в скором времени бросить всю Европу и всю европейскую цивилизацию в огонь страшной истребительной войны во славу человеконенавистнического фашизма и его кровожадных фюреров, осатаневших от собственного безумия и мании величия.

Писатели приехали в Париж по зову таких крупнейших гуманистов, людей с мировым авторитетом, как Максим Горький, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Андерсен-Нексе, чтобы с чистой совестью ответить на вопрос: с кем вы, мастера культуры?

Это было необходимо перед лицом всеобщей опасности, грозившей всей цивилизации, в эту роковую минуту века в рядах писателей не было единства, потому что если одни пришли с твердо выраженной волей к сопротивлению, то другие уже искали либо возможности отступить и переждать события, либо намечали даже соглашение с новыми варварами, либо выясняли даже, какую прибыль они будут иметь от дружбы с этим зверем фашизма, либо находились в состоянии подавленной растерянности, не зная, что предпринять.

Во всяком случае, цвет мировой литературы на этом конгрессе был непримиримо настроен против фашизма, высказывая во всеуслышание свою тревогу и протест против угрозы, звучавшей из некогда культурнейшей страны.

Там на трибуне конгресса я видел и слышал впервые прославленных мастеров культуры, знаменитых писателей и наслаждался их вдохновенными, гневными, ироническими и пафосными речами.

И там, среди этих знаменитых и великих, я увидел человека благородной наружности, похожего на старого профессора истории, с каким-то просветленным лицом, уверенными, плавными движениями, с усами и с бородой, с добрыми, внимательными глазами, с иронической, как мне показалось, улыбкой. Он со многими коллегами здоровался, как с давно знакомыми, иных приветствовал, как близких друзей. Это был Генрих Манн.

Я, конечно, знал его по его книгам. Я читал его рассказы и романы, переведенные еще в начале века. И, конечно, его «Верноподданного».

Дело в том, что описание среднего немца с его раболепием перед властью, с его неслыханным педантизмом, с его давней мечтой о покорении всех соседних стран, с его туманной, временами путаной философией, с его средневековой мистикой и символизмом, с его ницшеанской «белокурой бестией» — существом грубым и воинственным — все это было уже обрисовано достаточно подробно многими авторами, но когда я прочитал про жизнь и дела героя романа Генриха Манна — Дидериха Геслинга,— мне представился как бы подытоженным окончательно этот тип буржуазного дельца, одновременно нахала и труса, верного своему идеалу прусского солдафона, пресмыкающегося перед высшей властью имперского вождя, перед блеском оружия и генеральских мундиров, перед касками с орлом и грохотом орудий.

И здесь, в Париже, можно было себе представить, как недалеко, за Рейном, взбесился этот Геслинг и, как будто напившись какого-то одуряющего допинга, пошел на весь мир со своей фашистской идеей сверхчеловека, которому все позволено.

И когда я услышал с трибуны конгресса, как Генрих Манн — этот добрый человек с усами и бородой мирного ученого — вдруг страшно рассердился и начал последними словами ругать «вождей» этих взбесившихся геслингов, я понял, что он имеет полное право так говорить, так как знает доподлинно природу этих господ, хорошо изучил их повадки и хорошо знает, что сейчас происходит в Берлине, что они делают со всей Германией и то, что произойдет завтра во всей остальной Европе.

Он говорил от имени своего народа, лучших его сыновей, о свободе совести писателя и о том, что мы — писатели и все люди доброй воли — не имеем права ждать, чтобы бедствие пришло и распространилось на еще большее число стран остальной Европы.

Надо спасать культуру и свободного человека от попыток палачей и тюремщиков истребить все, что выше их понимания.

Я запомнил некоторые фразы и записал их. Он сказал: «Долг интеллигентов — всеми силами сопротивляться, когда болваны (он так прямо и назвал этих людей — болванами) объявляют себя властителями мира и цензорами... Сорвавшаяся с цепи страсть к разрушению — вот все, что у них есть. Вредить! Уничтожать то, что другие создали и сделали великим,— наше духовное наследие!.. Обезумевшее хулиганье временно напало на западную цивилизацию. Но с ним удастся справиться, это вопрос духовной дисциплины и твердости. Не следует обманываться: не было еще ни одного непобедимого варварства!..»

...Проходили годы, летели грозные события, но старый писатель оставался верен себе. И тогда, когда он клеймил зверства фашизма, и тогда, когда он создавал антифашистские произведения, и тогда, когда он писал Вильгельму Пику: «На Вашей стороне — сама жизнь. А я, пока я жив, стою за победу жизни и рад, что наши с Вами стремления едины».

Столетний юбилей своего народного писателя ГДР встречает торжественно и достойно. Своим служением передовому человечеству, его будущему, взятому с бою у черных сил реакции и человеконенавистничества, Генрих Манн заслужил добрую память и признание новых поколений — замечательный писатель, выдающийся гуманист, передовой борец за счастье человека и его свободу!

САВЕЛЬЕВЫ И ДРУГИЕ

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Напоминаю читателям два известных произведения Анатолия Иванова — романы «Повитель» и «Тени исчезают в полдень» — с тем, чтобы легче начать разговор о новом романе писателя, в котором он с возрастающей силой обнаружил прежние качества своего крупного дарования. Я имею в виду здесь не только индивидуальную литературную манеру, не только стойкое тяготение к человеческим характерам определенного типа и даже не резкую, выпуклую лепку этих излюбленных характеров,— перечисленное безусловно и заметно проявляется в прозе Анатолия Иванова. Я прежде всего имею в виду ту художническую точку зрения автора на действительность, когда открываются такие контрасты жизни, такая крайность степени высокого и низкого в неспокойном людском море, такие трудноразрешимые противоречия, что выразить их становится возможно только при условии мужественного и предельного обнажения всего — нередко жестокого — содержания исторической правды. Это вовсе не значит, что все жизненные коллизии в произведениях Анатолия Иванова непременно взвинчены и предельно драматизированы, что противоборствующие силы всегда сокрушительно сталкиваются, что иные узлы человеческих отношений развязываются с пролитием крови, что жизнь часто выступает в них режущими углами. Разумеется, все названное в значительной степени свойственно содержанию книг А. Иванова, художника, заметно склонного к жесткой манере реалистического письма. Но не только это остается в памяти после напряженного воздействия бурного потока людей и событий, пропущенного под сильным напором ищущей и беспокойной авторской мысли.

В реализме Анатолия Иванова прежде всего выявляется то содержание идейно-нравственного и, что чрезвычайно существенно, классового идеала, который он постигает на трудных путях своих героев. Смысл этого содержания определяется пониманием жизненной обусловленности той высокой цены, которой значительно чаще, чем думается, оплачиваются завоевания морального, идейного, общественно-социального порядка.

Конечно, встречаются любители рыночно прикидывать цену того или иного завоевания, одержанного в сфере духовной или общественной жизни. Но, неизвестно по какой причине, духовные ценности в отличие от вещественных в результате такого прикидывания всегда проигрывают: их отвергают. И, тоже неизвестно почему, это называют гуманизмом.

Анатолий Иванов не боится прямо посмотреть в глаза правде, когда исследует сложнейший путь героев к обретению или потере духовно-общественных ценностей. И если обретение их он рассматривает как акт героического деяния, поскольку достигаются они подчас огромными мучительными усилиями отдельного человека или целого общества, то потеря понимается писателем в силу непреложных классовых требований как трагический (а не «гуманистический») исход.

Именно классовый характер содержания эстетического идеала диктует Анатолию Иванову необходимость рассматривать явления нашей истории в эпоху мощных социальных изменений без всякого смягчения или приукрашивания, не спрямляя путей, не отворачивая взгляда от сурового реализма действительности. И, однако, при всем том историческое миропонимание писателя остается в прямом смысле оптимистическим и гуманистическим.

Конечно же, жесткой манерой письма весьма условно и далеко не исчерпывающе можно обозначить индивидуальный творческий метод Анатолия Иванова, но она лучше других художественных особенностей позволяет найти путь к пониманию нового крупного произведения писателя «Вечный зов», опубликованного в минувшем году на страницах журнала «Москва» и только что вышедшего отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». Впрочем, в такой же мере этот путь плодотворен и для постижения содержания его короткой повести «Жизнь на грешной земле».

Итак, роман «Вечный зов» — эпопея, охватывающая несколько десятилетий нашей истории, начинающая свое движение с событий первых революционных лет. При всем том, что сюжет романа прихотливо и сложно разветвляется, что в русло и многочисленные притоки его втягивается большое количество персонажей, все же по центру тяжести он остается повествованием о событиях внутри и вокруг обширной семьи Савельевых, событиях, которые теснейшим образом переплетаются с громадными историческими изменениями, пережитыми Советским государством за годы своего становления. Рухнули веками устоявшиеся представления и отношения, могучий революционный процесс не только неотвратимо двинул в противоборство классы и социальные группы, но проник в души людей. Нужно было время и время, нужно было пройти через самые суровые испытания, перетрясти до основания самого себя, чтобы ощутить кровную связь с родившейся новизной.

Савельевы — исконные сибирские крестьяне, еле-еле сводившие концы с концами. Сам Силантий вынужден был пойти в услужение к сельскому богатею Кафтанову. На лесную заимку, где буйно тешил душу и плоть Кафтанов, Силантий взял и сына Федора. Ублажая самодурствующего кулака, заразился тайной жадностью к богатству Федор. В мыслях он уже копировал разгульное кафтановское житье; всячески поощряемый хитрым и расчетливым хозяином, он уже строит планы жениться на его дочери, которая открыла бы доступ к богатству. Но уже приближалась революционная буря, освежающие ветерки задували в самые глухие сибирские уголки. Однажды объявился на заимке другой сын Силантия — Антон, большевик, скрывающийся от преследования жандармских ищеек. Он стал невольным виновником краха собственнических планов брата. Изгнанный с заимки Кафтановым за укрывательство Антона, Федор озлобился, и это озлобление несостоявшегося собственника толкнуло его в стан борющихся за революцию. И все же Федор жалел и мучительно раздумывал тогда о том, «как же так получилось, что все планы и жизненные мечты, смутно начавшие маячить в голове в то лето, когда работал «смотрителем» на кафтановской заимке, которые, как он считал, начали было потихоньку осуществляться, вдруг пошли прахом... Кто или что этому помешало?» И настолько убийственен и неизлечим был недуг Федора, что ни партизанство (красным эскадроном командовал!) против белых, ни оздоровляющий воздух последующих лет строительства молодого государства, когда все обновлялось и жадно стремилось встать вровень с эпохой, не могли излечить его. Федор все больше замыкается, скрытничает, уходит от людей, становится «дрянцо-человеком». И страшно было ему услышать спустя два десятка лет беспощадные слова жены, той самой Анны, дочери Кафтанова, с которой он все же связал себя в лихую партизанскую пору, как бы по инерции цепляясь за самое память о былом кафтановском богатстве: «...не любишь ты никого — ни меня, ни детей, ни жизнь эту, ни власть — никого. И себя, должно, не любишь! Зачем тогда ты живешь-то? Зачем?.. А что от богатства нашего дым один остался — это тебя и точит всю жизнь, как червяк дерево».

Судьба Федора Савельева—это жестокая драма внутреннего отщепенца своего класса, оторвавшегося от него в трудную пору обретения крестьянством новых социальных и нравственных устоев, подлинной свободы, иной, справедливой жизни. Анатолий Иванов не скользнул по поверхности трудного жития своего героя, он глубоко проследил полную драму его духовного и социального перерождения, озарив ее поистине трагическим светом, внезапно вспыхнувшим в сознании Федора и осветившим перед собственным его духовным взором пропасть падения. «Ему, Федору, до сегодняшнего дня все было безразлично, он находился в какой-то пустоте, в полусне будто. Но он, кажется, проснулся, разбудила его Анна своим вопросом. Сперва этот вопрос показался ему нелепым, а теперь вот не дает ему покоя, чудится даже в скрипе снега под ногами...»

При всем многолюдье романа в идейно-художественном понимании его фигура Федора, несомненно, является первейшей, становой. Все нравственные, духовные коловращения этого человека дают возможность лучше понять судьбы окружающих его людей. И в первую очередь брата Ивана и жены Анны.

Иван Савельев как бы обозначил собой другую линию жизни, такую же трудную и драматичную, как и у Федора, но имеющую иную исходную точку и иную цель движения. Если Федора случайные обстоятельства заставили выступить с оружием против белых, то Ивана стечение случайностей бросило против интересов собственного класса. Однако если с годами Федор все далее уходил и от себя, и от народа, и от власти, которую, казалось, он защищал с оружием в руках, то Иван, напротив, через великие мытарства, духовные и житейские потрясения, через убийство атамана банды Кафтанова, медленно рассеивая недоверие и подозрительность к себе, в конце концов приходит к единству с судьбой обновленного крестьянства. Линии братьев, начавшиеся так разно, неизбежно пересеклись. Таким об-

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

ВОДИТ ПОЕЗДА МАШИНИСТ...

Как в той песне: почтовые и скорые, пассажирские поезда — все водит машинист.

...В 1947 году Яков Мурлычев поступил в железнодорожное училище. Не вспомнит сейчас, может, случайно так вышло, может, дядя, брат матери, железнодорожник из Сибири, на эту дорожку подтолкнул. Только получилось, что здесь он не только профессию приобрел, но и стал специалистом высокого класса, мастером вождения тяжеловесных поездов. Здесь же, в локомотивном депо станции Тула-1 Московской ордена Ленина железной дороги, машинист электровоза Яков Михайлович Мурлычев вступил в партию.

— Наша партийная организация,— говорит секретарь партийного комитета депо Виктор Алексеевич Шувалов,— на видном месте в городе. У нас свыше четырехсот двадцати коммунистов. Это, конечно, не самая крупная организация города. Но вот уже на второй съезд партии из нашего коллектива избирается делегат. На XXIII съезде КПСС делегатом был Герой Социалистического Труда машинист Николай Ефимович Баранов, на нынешний, XXIV съезд партии, коммунисты области избрали нашего лучшего машиниста Якова Михайловича Мурлычева. И мы понимаем, что это не только большая честь, но и большая ответственность.

...Поезд с грохотом проносится мимо переезда. Мелькают платформы с автомобилями и комбайнами, вагоны с лесом, цистерны — нефть, бензин, кислоты... Мелькают вагонные оси — не сосчитать, сколько их. И вот уже издали доносится сипловатый гудок — товарный прошел!..

— У нашего депо два плеча,— продолжает В. А. Шувалов.— Одно до Орла — 189 километров, второе к Москве, до Люблино — 185 километров. И машинист, как маятник, между ними. С той лишь разницей, что посредине остановка — Тула. А видели, как здесь транзитные товарняки проходят — с ветерком! Это потому, что сразу за Тулой поезд лезет в гору. А каково, когда с нашей станции только выводишь состав? Мурлычев с этим справляется прекрасно и успешно выводит самые тяжеловесные поезда. Работает без брака. А это значит и соблюдение графика и экономия электроэнергии... Одним словом — мастерство!

На снимке: делегат XXIV съезда КПСС Я. М. Мурлычев и делегат XXIII съезда КПСС Н. Е. Баранов среди слушателей курсов помощников машиниста.

Фото Л. Шерстенникова.

разом, родился и вызрел конфликт, во многом определивший разветвленное течение романа.

Особенно изнуряющим, выматывающим все душевные силы стал для Анны этот внутренний, скрытный побег мужа от того, во имя чего она решительно порвала с отцом и встала на сторону трудового крестьянства. Она, как видим, первая заметила и впоследствии до дна обнажила тайные истоки перерождения Федора. Но ужасной ценой досталось ей это открытие, мужество нужно было незаурядное, чтобы первой вынести предательство когда-то близкого человека.

Трудно в нескольких словах передать сложнейший клубок взаимосплетений и узлов, который так прочно увязал судьбы и братьев Савельевых, и Анны, и супругов Инютиных, и многих других и который тщательно развязывается Анатолием Ивановым на протяжении всего романа. Но именно в нем с наибольшей силой передан писателем сгусток неподдельной, горячей и страстно бьющейся жизни. Многое здесь исполнено высокой правды действительности, многое есть наблюдение зоркого и бесстрашного взгляда.

Главное же, что с убеждающей силой выявил писатель, исследуя житейское хождение Савельевых по мукам,— это сложнейшую диалектику связи личности со временем и обществом в эпоху громадных социальных потрясений, диалектику совмещения или несовместимости «грубых» социальных фактов, преобладающих в эпоху ломок, с тонкой, сложно-запутанной структурой нравственной жизни человека.

Исследование такого рода диалектики в сфере художественного мышления есть новое слово в мировой литературе, сказанное в конце двадцатых и в тридцатых годах такими выдающимися представителями молодого искусства социалистического реализма, как М. Шолохов, А. Толстой, М. Булгаков. Это дерзкое сближение колоссальных, всеохватного масштаба событий общественного порядка и в сравнении с ними ничтожной по внешней обозримости, но бесконечно значимой по высшей гуманистической сути, одной, неповторимой, живой и теплокровной клетки, именуемой личностью,— это захватывающее сближение, так зорко подмеченное в действительности, породило великие эстетические открытия в культуре нашего века. Так или иначе последующее развитие советской литературы — и не только ее — испытывало на себе их плодотворное воздействие. Правда, в недавние годы были немалые попытки сказать «новое» слово о человеке, оборвав его связи с громадой времени. Но попытки не реализовались в деле, и слово это не сорвалось с уст. Поэтому особенно пристально следует присматриваться к опыту тех серьезно работающих писателей, которые все чаще обращаются к бесценным завоеваниям предшественников, тем самым утверждая творчеством своим непрерывность развития литературы социалистического реализма.

Мне думается, творческий опыт Анатолия Иванова и в особенности последний его роман — убеждающий и поучительный пример для подтверждения единства и общности пути развития для крупнейших представителей советской литературы, пусть даже они по времени разделены целыми десятилетиями. Обратившись к диалектике связи таких разновеликих художественных понятий, как историческая эпоха и личность героя, Анатолий Иванов нашел свои, нетрадиционные возможности их обнаружения, тем самым напав на такие собственные открытия, как типы и конфликты в драме, именуемой мной условно «Савельевы и другие».

Но для полноты представления о романе «Вечный зов» следует сказать, что его содержание, конечно же, далеко не исчерпывается в своеобразной драме семьи Савельевых. Нервные узлы повествования неоднократно возникают по всем его сюжетным разветвлениям. В разные временные и содержательные периоды образуются свои первостепенные конфликты, которые понуждают к перестановке различных групп персонажей.

По-своему интересно и поучительно прослеживается развитие взаимоотношений Кружилина с Алейниковым и Полиповым. Поликарп Кружилин — старый коммунист, ни разу не поступившийся большевистской совестью и прямотой. Это человек напористой энергии, проницательного ума, страдающий от любого посягательства на партийную правду и умеющий хорошо биться за нее. Поликарп Кружилин не отравит сомнением ни одно из завоеваний революции и народной власти, хотя он-то знает, какой ценой жертв и потерь они порой достигались.

Прямая противоположность ему — Петр Полипов, случайно оказавшийся в рядах большевистского подполья, затем струсивший и ставший провокатором. После победы революции Полипов ловко заметает следы и пытается выдвинуться на партийной работе. В вечном страхе разоблачения он прикрывается, как маскхалатом, правоверными лозунгами, демагогией, любое живое партийное дело убивая формализмом. Кружилин не знает фактов прямого предательства Полипова, но он с ним все время начеку, всеми мерами локализует и пресекает его тлетворную деятельность и в конце концов объявляет ему открытую войну.

Сложнее и противоречивее натура Якова Алейникова, бывшего отважного партизанского разведчика, грозы белобандитов. Стремительно шли годы, менялся лик страны, менялись люди, новое одерживало победу на всех рубежах; но Алейников не то чтобы оставался прежним, а словно окаменел: подозрительность и иссушающая прямолинейность сделали его угрюмым, нетерпимым и даже опасным. Кружилин, его бывший командир, не раз жестоко схлестнется с ним, на какое-то время они станут врагами. И все же Алейников вылеплен из другого теста, нежели Полипов. Однажды, гонимый смутными движениями совести, потрясенный, как и все, грянувшей на страну войной, он словно испытает некое озарение и сурово посмотрит на себя.

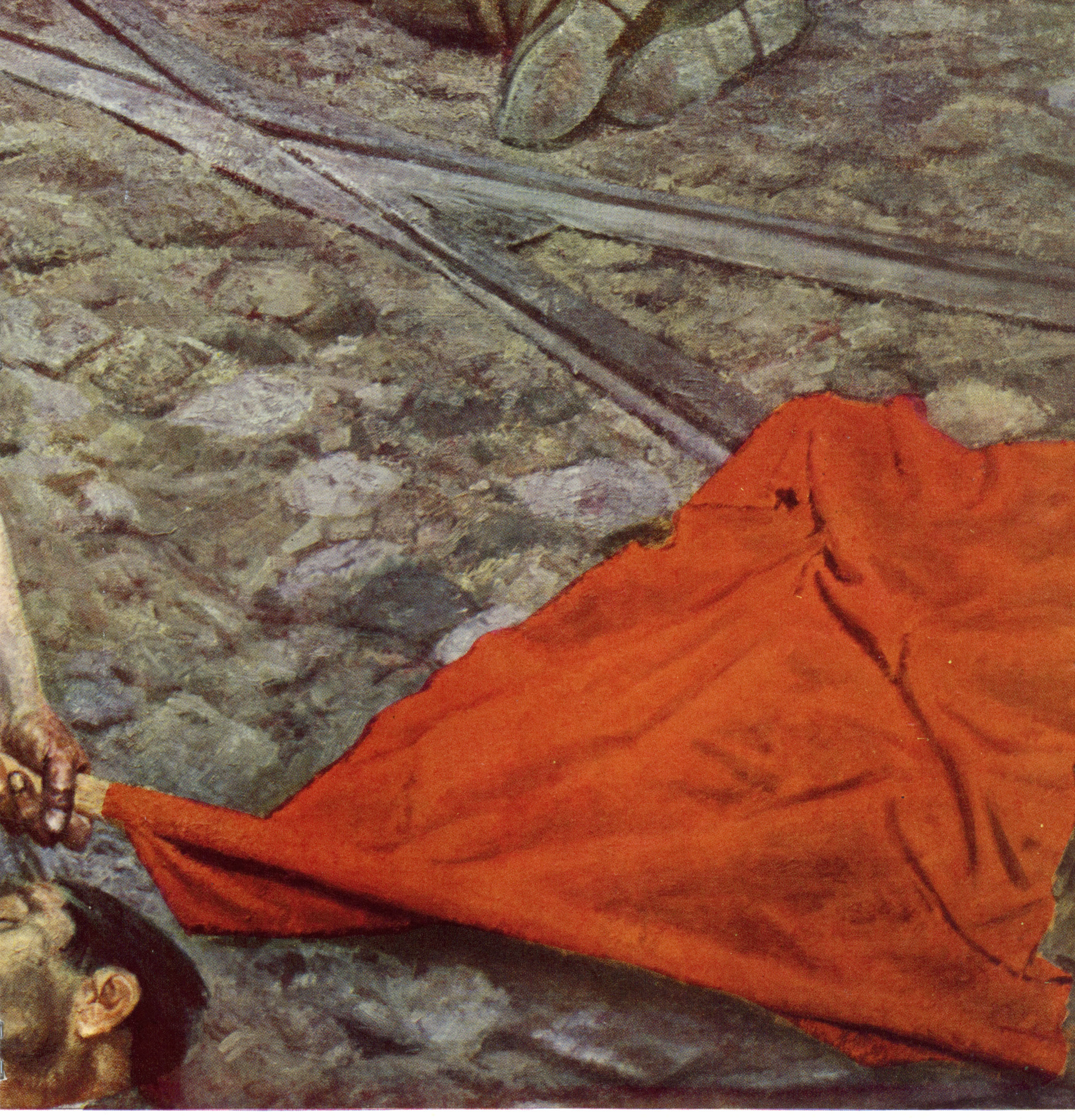
Первая книга романа «Вечный зов», разумеется, не развязывает все запутанные узлы сюжетных сплетений. Но и теперь возможно думать, что последующее эпическое развитие событий еще не раз повернет судьбы персонажей романа, открывая все новые стороны многоликой жизни, неостановимую изменчивость человеческой души.

И. Бродский. 1884—1939. ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА МИТИНГЕ РАБОЧИХ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА 12(25) мая 1917 года. (Фрагмент).

Центральный музей В. И. Ленина.

Г. Коржев. ПОДНИМАЮЩИЙ ЗНАМЯ. Центральная часть триптиха «КОММУНИСТЫ».

Государственный Русский музей. Ленинград.

Ф. Ниеминен (Петрозаводск). ТЯЖБУММАШЕВЦЫ (Групповой портрет рабочих Тяжбуммаша).

Всесоюзная художественная выставка,
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

У листопада шуба золотая

Станислав **МЕЛЕШИН** РАССКАЗ Рисунок **П. КАРАЧЕНЦОВА.**

Когда измученные пальцы Веры Павловны нервно отстучали по пуговкам машинки привычные, ставшие скучными слова: «...раньше цинк и олово определяли весовым методом, а теперь объемным, затрачивая на это втрое меньше времени»,— она откинулась на жесткую спинку стула.

Она знала, что от усталости и сегодня никуда ей не деться, а в это субботнее утро проклятая немощь будет особенно неприятной: за окном в веселом полете пылали осенние широколапчатые листья клена, и сквозь пламенные ветви проглядывали густо-синие стекла застывшего, неподвижного неба, очаровывая неземной, светлой печалью.

Еще одна осень...

Вера Павловна грустно улыбнулась, поежилась, плотнее укутываясь в накинутую на плечи шаль из верблюжьей шерсти, вспомнила просительно-голубые глаза шефа отдела, ласково пряташие мольбу под детскими белесыми бровями, метаясь искрами под толстыми стеклами роговых очков.

И зачем только она, лаборант-химик заводской лаборатории, согласилась взять не свою работу на дом? Шеф уговаривал пылко и шумно, словно делал предложение, положа руку на сердце: мол, выручи, голубушка, перепечатай... Бумажный завал душит!

Вот и сиди «голубушка» дома, как и в прошлые выходные дни, воюй с завалом. Документации накопилось много, и шеф, страдающий одышкой, уже несколько раз многозначительно крякал, проходя мимо: мол, поторопитесь... Вера Павловна краснела, и пробирки с реактивами в руках холодели.

Усталость давила и на душу.

Когда-то была хохотушкой, а теперь вот, видно, задубела. Субботними и воскресными утрами она все сидела у себя дома за машинкой и ожесточенно стучала по пуговкам, похожим на баянные, только из-под рук лилась не волшебная музыка, а дробный стрекот, похожий на выстрелы, будто она строчила из пулемета.

Буквы на клавишах и в тексте сливались в темное облачко и отдавались в ушах собственным шепчущим голосом, словно она, как школьница, нехотя заучивала наизусть домашнее задание.

Губы шептали: «...наварка пода... шлак... шихта... пережог металла». А в глазах — огромная мартеновская печь, и в пузатом ее пространстве запертая кипящая сталь, которой тесно при тысяче девятистах градусах Цельсия, бьет она тугим гудящим огнем по завалочным окнам, стараясь вырваться.

Каждую отпечатанную страницу с копиями она залихватски бросала на мягкий ковер, с печальным смехом выкрикивая словечки: «Пе́рва! Вто́ра! Дру́га! Ше́ста! Се́ма!» Так было хоть и легче, но она одного боялась: не дай бог, что-нибудь заест, заклинит, и машинка испортится, и работа не будет исполнена к сроку, и вообще — полный стыд и позор!

За спиной на бордовой кушетке играли дочка Ириша с подружкой Олей, были заняты увлекательной игрой — мастерили из цветных лоскутьев кукол и делили цветные тряпочки: «Это тебе — это мне». Подражали Вере Павловне: «Пе́рва! Вто́ра!» И смеялись, взвизгивая,— так хорошо у них получалось.

Вера Павловна вздрогнула от неожиданного вопля: это подружки что-то не поделили, вцепились друг другу в косички и покатились по кушетке, готовые грохнуться на пол.

Она прикрикнула на них:

— Это еще что такое?! Сейчас же помиритесь! Ну! Куда вы спрятали свои улыбки, красавицы?!

«Красавицы» притихли.

Вера Павловна устало опустила руки и, вздохнув, рассмеялась. Дети заулыбались тоже, и, услышав картавое извинение Оли: «Тетя Вера, мы больше не будем!» — отметила про себя: «Вот я и стала уже тетей». Весело приказала:

— А ну-ка, быстро на кислород! На кислород!

Пока подружки одевались, она в зеркалетрюмо разглядывала свое белое, без румянца лицо с большими печальными темно-зелеными глазами; с чистого круглого лба зачес переходил в тугой, тяжелый пшеничный узел, когда поджимала полные губы и улыбалась, на округлом подбородке и на щеках появлялись наивные, детские ямочки. Она себя уверяла в том, что хоть по красоте и не королева, но чем-то похожа на славянскую мадонну. Уж это точно. Особенно если чуть притушить ресницами глаза. Румянцы, конечно, вспыхивают на ветру... Губы, конечно, давно осиротели без поцелуев. А мы их оживим яркой помадой — и можно в замуж! И очень приятно не спеша пройтись по желтому осеннему листопаду.

Молодая, крепко сбитая женщина, ведя за руки двух девчонок, неторопливо шагала по огненным опавшим листьям. По углам проспекта Металлургов чадили дымные костры, слышался треск огонечков, пожирающих лист за листом, на душу ложилась печаль.

В голове в такт шагам и хрусту листьев память ворошила чьи-то стихи:

Почему вы не спите ночами,
Или годы у вас за плечами?!
Или осень на сердце в груди,
Или счастье у вас впереди?!

Если осенью небо угрюмо,
Будет тесно в снегах январю.
Я весною весну подарю вам
И в придачу любовь подарю...

Откуда это? Ах, да! Песня! Ее под гитару пела на своей свадьбе со счастливыми слезами подруга... Глупая, наивная песенка, а вот, поди же ты, запомнилась, и печаль шла от листопада, а от нее не отмахнешься заклинаниями: «К черту! Пропади пропадом! Гори все ясным огнем!»

Вера Павловна разгоряченно задышала, услышала голоса Иришки и Оленьки: «Мама, я уже накислородилась!», «И я тоже!» Поцеловала их обеих в тугие щеки и, возвращаясь домой, вспомнила свадьбу подруги Марии, майора Андрея Кузьмича с моржовыми веселыми усами. Сегодня он придет, как всегда, точно, вовремя.

С открытой всем семи ветрам, дующим с реки, степной площади, на другом берегу вставал из земли тяжелый, дышащий жаром металлургический комбинат и держал на мартеновских трубах и пузатых домнах дымы, пар и ленивые облака.

Печаль растаяла, на сердце хлынуло тепло, душу охватило чувство радости, потому что Вера Павловна увидела свой родной дом, белокаменный дворец — центральную заводскую лабораторию, а еще потому, что сегодня увидит Андрея Кузьмича и не сможет себе самой ответить на вопрос: кто больше будет ему рад — она сама или дочка Ириша?

«Ах, Ирина-Ириночка! Когда я тебя обижала и наказывала, так приятно было слышать твою наивную угрозу: «Вот скажу Андрею Кузьмичу!..»

До сих пор не может себе простить, как это могло у нее однажды сорваться обидное, унизительное, грубое слово на крике:

— Несчастная!

Тогда — это было на днях — Иришка заплакала и застучала кулачками по коленкам:

— Нет, я счастливая, счастливая! Не смей так говорить!

Вера Павловна похолодела вся и, обняв дочь, прижав ее к груди, торопливо принялась утешать:

— Ну, конечно, доченька! И ты счастливая, и я счастливая!

На свадьбе подруги своей Вера Павловна сидела в окружении гостей тихо, чинно. Ни на кого не смотрела, только встречалась

После этого были встречи. По натуре Андрей Кузьмич был неразговорчив. И за те несколько встреч, которые у них были, он всегда чем-нибудь молча занимался: или увлеченно рассматривал ее книги с формулами, или строил города из кубиков для Иришки, или помогал Вере на кухне.

Она уже уверилась, что этот человек «не витает где-то», только задумывается часто, и когда она заговаривала с ним о чем-нибудь, он, словно виноватый, восклицал:

— Ах, да! Конечно!

Когда они вдвоем шли по сонному городу и слушали равномерный, размеренный шум работающего завода, Андрей Кузьмич увлеченно говорил и у него загорались глаза. Он оглядывал небо, угадывал по облакам погоду и места, куда они плывут, всматривался в окна домов и в стволы деревьев. Весело гадал о пешеходах: кто из них кем работает, куда спешит, о чем думает, и не было с ним скучно, даже когда он молчал.

взглядами с хорошей завистью на душе с женихом и невестой, а еще с широкоплечим высоким майором, сидевшим напротив нее и тоже поглядывающим на нее хитрыми любопытными глазами.

Когда после громового рева гостей «горько» жених-капитан и невеста, ее подруга, робко поцеловались, майор поднялся, похлопал капитана, очевидно, своего товарища, по плечу и присел рядом с Верой Павловной.

Она растерялась от этого соседства и все смотрела на его большую голову и в его черные живые глаза, которые притягивали к себе.

Мария подмигивала ей: мол, не теряйся,— но они и без этой откровенной женской «агрессии» как-то сразу попросту разговорились.

Андрей Кузьмич отпивал по глоточку красного вина, а она все норовила налить ему чего-нибудь покрепче, но он хмурил свои рыжие брови и ловко подменял рюмки. А потом смеялся, и на его загорелом лице появлялась улыбка.

Его хорошее настроение передалось ей, и хотелось незамужней гостье на чужой свадьбе, Вере Павловне, во всем подражать ему, свату, Андрею Кузьмичу. Она также намазывала ломтики черного хлеба горчицей «для здоровья», как уверил ее он. В общем, заворожил.

Мария и капитан сидели в красном углу притихшие. Было видно по их глазам, что им не терпится уйти, скрыться, остаться вдвоем, но они словно закаменели, понимая, что это будет оскорбительно для гостей, которые еще только входили во вкус.

Андрей Кузьмич о чем-то задумался.

О чем он думал?

Вере Павловне хотелось, чтобы он думал о ней, только о ней.

Он захмелел. Слушать его было приятно.

— А представьте себе, мы с вами на необитаемом острове, вдвоем. Джунгли, море и птицы... Что делать?! Куда деваться?! Сначала разжечь костер... Это чтобы вы согрелись. А после вашей улыбки я отправлюсь на рекогносцировку, обследую местность, узнаю по солнцу и прибою, где север, юг, запад и восток. Хотите отдыхать — шалаш сооружу, землянку вырою. А когда вы снова улыбнетесь в награду за мои труды — песню запою.

На нее от этого фантастического откровения нападал тот счастливый смех, которого она сама пугалась.

Андрей Кузьмич предложил:

— Идемте в природу. Душно. Я вас провожу.

Она согласилась не сразу:

— У меня кружится голова...

— А мы ее раскружим.

Вера Павловна запомнила, как майор и капитан поцеловались под аплодисменты гостей, а потом почувствовала крепкую руку под своей рукой и заголубевший рассвет. Они вошли в тишину, в которой жили чуткие, осторожные звуки, и большое небо было пустым без солнца, сиротливым. Но что-то в природе жило и радовалось, продолжало жизнь — это отчетливо, без опаски стучали сердца.

На рассвете он говорил ей о земле, о лесах, горах и равнинах, реках и морях, а еще о том, что по долгу службы ему приходится бывать и в тундре, и на айсбергах корректировать маршрут в океане, и в жарких песках Казахстана, и в холодной тайге, и в тех далеких краях земли, которые называются Шпицбергеном и Чукоткой.

Он открывал ей такие миры в небе и на земле, о которых она и слыхом не слыхала.

Вера Павловна растерялась тогда и поцеловала Андрея Кузьмича в щеку.

А он в ответ застеснялся, тихо улыбнулся, словно готовился к чему-то важному и трудному. Но как бы то ни было, она догадалась, что ему не хочется уходить.

Андрей Кузьмич попросил ее не торопиться домой.

— Сейчас взойдет солнце! Не верите? Давайте посмотрим!

Сначала высверкнули лучи из-за горизонта, небо раздалось вширь, осветилось, и, словно проснувшись, из земли показалось солнце.

— Видишь?

— Да.

Однажды, придя домой, Вера Павловна увидела, что Иришка сидит на коленях у Андрея Кузьмича и оба они весело заливаются смехом. Оказывается, майор кипятил чай, на носик чайника приделал бумажку, и закипевшая вода пела жаворонком.

Иришка заходилась в смехе и хлопала ладошками, просила:

— Будем, будем пить чай! Нам с дядей Андреем — земляничное, земляничное! — И услужливо размешивала сахар в стакане гостя.

После того как Иришка наконец-то угомонилась и уснула, прижав к себе толстого медвежонка, Андрей Кузьмич откинулся в кресле и, держа чайную ложечку в руках, стал тихим голосом читать стихи о руде, которая в них была названа железной броней земли, и над нею в горах и в степи ухали вслед за молниями громы и плыли облака. В глазах этого степенного, а сейчас словно завороженного мелодией человека были и мечтательность, и отрешенность, и какая-то нежная потусторонность, будто он сидел не в этой уютной полутемной комнате, а находился в каком-то другом, своем мире.

Но он сидел рядом, положив свою теплую, сильную руку на руку Веры Павловны, слегка покачивал седеющей головой в такт ритму стиха и все читал, словно признавался в любви далеким, ушедшим временам:

Качая крыльями века,
Орлы состарились в полете...
И предка моего рука
Тебя ласкала на охоте.

Мне труд геолога знаком.
Ты праздником у нас в отряде!
Чтоб стать планетным кораблем
И чайной ложечкой в детсаде.

Андрей Кузьмич улыбнулся, достал трубку и стал неторопливо набивать ее табаком.

— Вот какие пироги...

Помолчали, думая каждый о своем, а когда из трубки завился голубоватый вкусный дымок, он сообщил ей, что уезжает для изысканий в Барабинские степи, а оттуда на Дальневосточное побережье — к берегам

Охотского моря. Во время разговора тревожно проступал подспудный вопрос: «А не поехать ли нам туда всем вместе, Вера-свет-Павловна?!»

И хотя она понимала все и ждала этого, все-таки от неожиданности растерялась и нарочито шутливо стала задавать ему вопросы, ловить его ответы, и это было похоже на детскую игру:

— Значит, ты меня увезешь?

— Увезу!

— Далеко?

— Очень далеко! Туда, где рождается утро.

— Я что-то боюсь...

— А мы с тобой сильные. И потом ведь все равно вокруг наша страна!

Вера Павловна сказала, что надо подумать, что это для нее серьезно, на всю жизнь, и не так-то просто менять привычный уклад жизни, отрывать от сердца родной город, лабораторию, где ее знают и уважают. А потом...

После ее слов, прозвучавших решительно и определенно: «Нет, не могу! Сейчас не могу...» — Андрей Кузьмич погрустнел и тихо промолвил:

— Хотелось бы остаться. Тепло у вас...

Она придвинулась к нему. Майор полуобнял ее, прислонился щекой к щеке и прошептал:

— Хорошо. Я вернусь за вами. Приеду. Завтра приходи на проводы.

— Приду, Андрей...

Вера Павловна раздвинула оконные шторы и, вглядываясь в темноту уснувшего города, в большие каменные глыбы домов, в черные сиротливые ветки тополей, вдруг ясно представила себе и горы, и тайгу, и одинокий блуждающий огонек среди них — это курил свою трубку в далеких походах топограф.

...Оставшись одна, Вера Павловна долго смотрела на Иришку, разметавшуюся во сне.

Как-то непривычно стучало сердце, что-то похожее на смятение и испуг ворошилось в душе и не находило выхода.

Это была тревога.

Вера Паловна стала перебирать в памяти все значительное и важное, что было за все многие встречи с Андреем Кузьмичом, а значительным и важным было то, что жизнь ее стала иной, полнее, интересней и шире, что привыкла она к нему, уважает и хоть не полюбила еще, но то, что его будет не хватать, уж это она знала наверняка.

Она распахнула окна. Там, на Уралереке, бьются о берега ночные неспокойные волны с розовой пеной на гребнях, а здесь перед нею стреляющая от ветра форточка, трещащее громыхание голых железных веток карагачей и стена густого тяжелого ливня. Ливень косо рассекал тьму, и струи его, словно натянутые красные веревки, свисали с клубящегося красного неба над городом, над заводом, над нею. И эта тревога, что засела в душе за себя, за Андрея Кузьмича, ушедшего в грозовую ночь, была не в тягость, а в радость.

Она закрыла окна, зажмурилась от мысли, что вот случилось большое счастливое событие — нашли друг друга.

Интересно, а как будет стучать сердце на другом, незнаемом, только что открытом материке, на краю света? И там над волнами так же и та же светит по ночам полная луна, и встает по утрам из океана пшеничное солнце, и луна одна на всю планету, и только небу нет ни конца, ни края.

И на каком-нибудь берегу будет жить она с дочерью Иришей, и каждый вечер к ним будет возвращаться из дальних маршрутов Андрей Кузьмич, уже полковник, потому что, по ее представлению, на краю света служат только полковники, хотя ей это было безразлично. Он будет приходить уже не в гости, а к себе домой, в свою семью, как муж, отец и друг. Ей виделся военный городок окнами на дальние острова, громкое небо над ними, заполненное птицами и солнечными лучами, а еще Иришка, хлопающая ладошками от восторга, словно ее пустили в сказку.

Она сама, конечно, будет работать учительницей.

Вера Павловна прилегла на кушетку, укрылась шалью, согрелась, но не могла уснуть.

Думала о нем, вспоминала встречи и то, как всякий раз, когда он приходил, у нее всегда испуганно екало сердце, словно Андрей Кузьмич пришел не в гости, а проститься навсегда. И всякий раз ей представлялось, что однажды он придет без усов и скажет: вот взял и сбрил, потому что улыбаться мешают, а ей неловко будет спрашивать, что это вдруг на него нашло, и она отметит про себя, что, пожалуй, без усов он стал бы моложе и симпатичней, и корила себя за эти наивные, бабьи выдумки.

Она никак не могла вспомнить, когда же они впервые поцеловались, наверное, в одну из встреч, в которой он поведал ей, что родом он из Казахстана, родился в зеленом селе, в большой юрте рядом с юртой родственников Чокана Валиханова — великого казахского ученого, географа, путешественника и поэта. В Ташкентском университете закончил географический факультет, проходил военную службу и, стесняясь, еще поведал, что награжден двумя медалями: «За отвагу» и «За трудовое отличие».

Тогда, при встрече, также за окном хлестал ливень, по небу прокатывались громы, вспыхивали молнии, а он расписывал ей казахстанские волшебные степи и слепящие глаз сатанинским пожаром тюльпаны.

Как все это хорошо и красиво получалось: стылой ночью тюльпаны засыпают, прислоняются друг к другу, а утром, когда солнце высушит на их лепестках росу и начнет поливать степь горячим желтым воздухом, в зарослях ковыля, чабреца и вереска дружно, разом вспыхивают и пылают яркокрасные острова тюльпаньего царства. Мимо них по пескам плывут неслышно в знойном мареве табуны лошадей, раздувая ноздри навстречу холодным водам арыка...

Они спешат мимо нефтяных вышек, бесконечных труб газопровода, а перед ними — дороги от Янги-Юля до бывшей Голодной, а теперь благодатной степи.

Да, Андрей Кузьмич по-своему и поэт и художник. А что она еще о нем знает? Был женат. Жена его, тоже топограф, погибла в отрогах Сихотэ-Алиня.

А вот муж Веры Павловны не погиб, а просто умер, он был хорошим, смелым человеком, любившим ее до безумия.

Она слушала Андрея Кузьмича с каким-то безотчетным благоговением. Нет, что ни говори, а усы ему шли... И когда он ей сказал: «Ну, мне пора...» — и поднялся, она решила: «Никуда я тебя не отпущу в такую погоду, а то еще ненароком пришибет громом по дороге»,— постелила ему на кушетке, не боясь пересудов соседей, которых она мысленно отослала к черту, пропади они... Но он застеснялся, трудно задышал, будто ему не хватало воздуха, взял ее обе руки в свои руки и накрыл ладонями. Уютные были ладони!

Пояснил, что грозы он не боится, ему не привыкать, и дело тут не в грохоте громов и взрывах молний, а просто по долгу службы ему необходимо находиться в части — утром заступать на дежурство.

Она грустно прошептала: «Ах, Андрей Кузьмич, Андрей Кузьмич...» — и проводила его до крыльца. Они постояли немного, обнялись, и когда он сказал: «До встречи, Вера, до встречи»,— она поцеловала его глаза и нашла губы. А потом, отпрянув, засмеялась, словно извинялась: «Это я поцеловала тебя, Андрюша, на всякий случай — от грома и молнии»,— и заплакала. Но он не видел ее слез.

Да, это был их первый поцелуй. И вот сегодня Андрей уезжает. Вера Павловна поднялась, из зеркала на нее глянула не она, а какое-то растерянное и счастливое, глупое лицо. Зеркало ее не обманывало. Значит, у бога лимит на любовь еще не израсходован!

Уснули в небе громы, погасли молнии, отшумели ливни, застыла притихшая Уралрека, шепот и шуршание листопада, только-только просыпались на семи степных ветрах завод и город, просыпались люди.

Пора на вокзал. Пора провожать родного человека на край земли, где он будет нести свою службу, ждать и верить, что от проводов до встречи не так уж много пройдет времени.

Неожиданным подарком к утру, к самому рассвету выпал чистый, нежный, первый снег, снежок — и не было печали. Ну, что ж... Пора!

ОБ ИСКУССТВЕ ЗЕМЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ

На карте Дальнего Востока — театральные города: Петропавловск-на-Камчатке и Магадан, Благовещенск и Комсомольск-на-Амуре — старые русские поселения и новые промышленные центры... И всюду здесь, в этом поэтическом краю, люди искусства вместе со всеми тружениками встречают XXIV съезд КПСС новыми творческими достижениями.

Героизм и мужество русского народа, создавшего своим трудом биографию Дальнего Востока, находят свое образное выражение и на сценах профессиональных театров и в народном искусстве... О талантливых людях искусства на Дальнем Востоке подробно рассказывает недавно вышедший в свет четвертый номер журнала «Театральная жизнь». Корреспонденты журнала познакомились со спектаклями, побывали на концертах ансамблей... И вот теперь читатели «Театральной жизни» получили интересный, убедительный отчет об этой содержательной поездке.

«Четырнадцать тысяч километров пролегли между Москвой и чукотским поселком Уэлен — самой северо-восточной точкой нашей страны»,— пишет в статье «Размаха шаги саженьи» И. Каштанов, секретарь Магаданского обкома КПСС. С большой гордостью рассказывает он о работе Областного музыкально-драматического театра имени М. Горького; профессионального чукотско-эскимосского ансамбля песни и танца «Эргырон»; о народных театрах, краеведческих музеях, художественных школах, возникших на местах, где не так давно лежала почти необитаемая снежная целина.

Заслуженная артистка РСФСР М. Барашкова — актриса Хабаровского драматического театра, депутат Хабаровского городского Совета — с большим подъемом пишет: «Я благодарна своей депутатской работе: она творчески обогащает, помогает шире взглянуть на жизнь»...

Глубоко анализирует деятельность Хабаровского театра драмы Юр. Зубков.

Тепло, с большим уважением Ф. Чернова пишет о творчестве коммуниста Андрея Присяжнюка, потомственного владивостоцца, талантливого артиста и режиссера.

Широкую информацию о работе многих замечательных людей, строящих культуру и искусство Дальнего Востока, журнал «Театральная жизнь» дает в живой и разнообразной форме, посвящая целиком свои страницы нашенскому советскому краю...

Н. ЗЫБИНА

МЫСЛЯЩИЙ КИНЕМ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Есть, на мой взгляд, нечто симптоматическое в единовременном почти появлении на сегодняшнем киноэкране нескольких крупных произведений драматургической классики. Это «Король Лир»—картина, созданная одним из маститых художников советского искусства, Г. Козинцевым; «Дядя Ваня» — новая работа А. Кончаловского; и, наконец, «Бег» — лента, представленная на суд зрителя режиссерами А. Аловым и В. Наумовым.

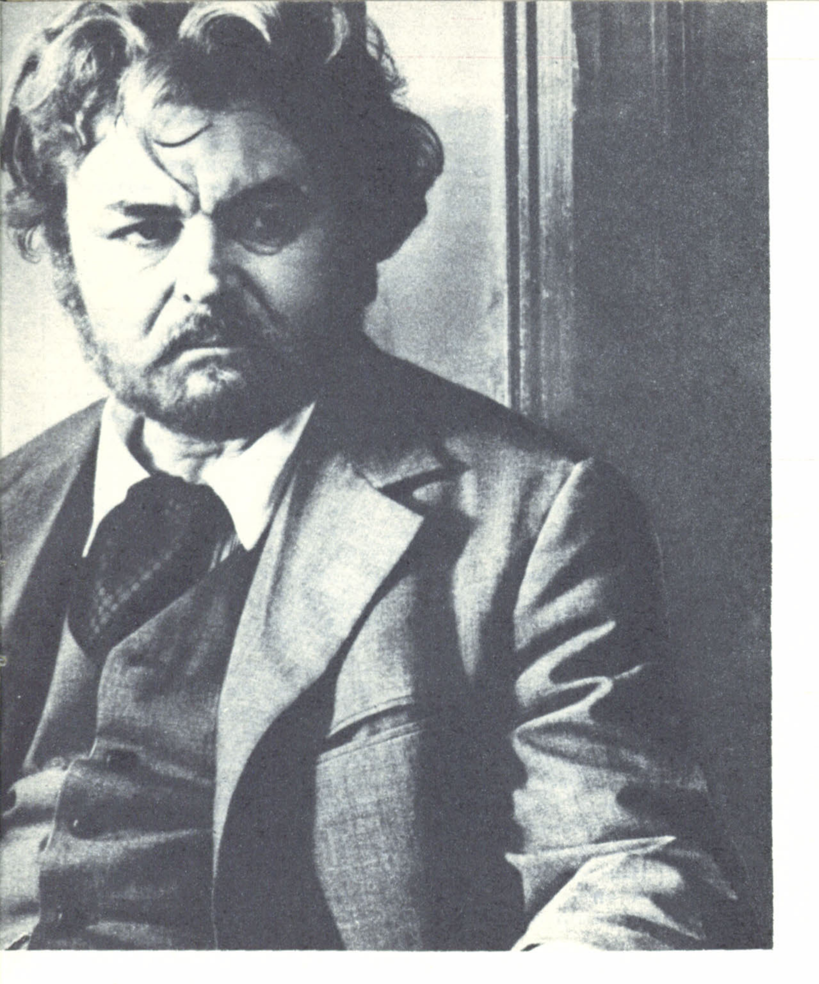
Каждый из фильмов, разумеется, несет с собой совершенно особый, свой мир образов — неповторимый мир человеческой жизни. И в то же время самый мир этот, думается, заставляет видеть в новых картинах, вместе взятых, значительный вклад советского современного кино в мировую кинематографию. Вклад, неоспоримая ценность которого и в крупномасштабном, глубинном художественном решении и в гуманистическом, жизнеутверждающем идейном звучании. Короче, в таком остром, подлинно новаторском — без кавычек — прочтении классических произведений, какое только и позволило создателям фильмов заново, свежо и остро открыть для миллионного кинозрителя заложенные в первоисточниках могучие пласты истории, пласты народной жизни.

Очень важным представляется, что бесконечно **разные эпохи** — и столь же разные **судьбы героев**— осмыслены и решены с единых творческих позиций социалистического реализма, для которого закономерности характера и все жизненные повороты всякой крупной, незаурядной, чем-либо привлекающей наше внимание человеческой личности всегда и неизменно скрыты в течениях и поворотах народной истории. Заветный пушкинский принцип, нестареющая формула творчества: судьба человеческая, судьба народная— вот то главное, что объединяет советских художников в самом их подходе к вдохновляющей борьбе народа и человека за правду и справедливость.

В каждом фильме человек, втянутый в борьбу, предстает неотрывно от своей эпохи и своего народа. Ценою великих испытаний, мучительных жертв каждый герой приходит к столь же великим нравственным открытиям, какие и становятся законом всей его жизни.

Король Лир как человек — просто человек, вдруг сброшенный в гущу жизни и здесь именно обретающий горькое понимание неизбежности того, что с ним свершается,— именно это мудрое постижение характера героя, как и всей вообще великой сути шекспировской трагедии,— придает работе Г. Козинцева над экранизацией «Короля Лира» удивительную широту, эпичность режиссерских обобщений, делая таким впечатляющим сказание о Лире. В то же время оно получает пронзительную конкретность, реальную значимость — я бы сказала, «объяснимость» каждой отдельной человеческой судьбы. Историческую и моральную «объяснимость» тех «роковых» сил, того мрачного переплетения добра и зла, которые раньше — во всех, наверное, прежних прочтениях «Лира» — заставляли нас видеть в герое только безвинного страдальца, вознесенного самим страданием своим так высоко, что, собственно, причина страданий — **сама жизнь!** — становилась мотивом как бы уже второстепенным, а порой и весьма неразборчивым... Тогда как Г. Козинцев, отнюдь не отнимая у Лира его человеческого обаяния и прежде всего искренней, детской какой-то доверчивости, неистощимой потребности в любви и почитании, показывает такую же детскую обидчивость и незрелость, неразумность многих поступков Лира, открывающих киноповествование,— внутреннюю инфантильность его неожиданных, вспыльчивых решений.

Трагическое одиночество героя и предстает как результат неумения видеть, слышать, понимать других людей... Причем непонимание Лиром «злых» дочерей, Гонерильи и Реганы, как и «доброй» дочери Корделии, к которому раньше во многих случаях сводился смысл пьесы, далеко ведь не исчерпывает ошибочности поведения короля, его нравственной незрячести и глухоты. Г. Козинцев показывает, что Лир мог бы, должен был бы услышать многие добрые советы Шута, скрытые в его песенках и прибаутках, насмешливых, а чаще грустных и всегда мудрых, жизненно важных... Впрочем, Шут говорит Лиру жестокую правду безо всякой надежды быть услышанным. Шут — умное дитя народа, и он не обманывает себя: король нежен с Шутом, своим любимцем, но глух ко всему, кроме голоса собственной души, а эта душа не закалена, не подготовлена к испытаниям... Седовласый, но не умудренный опытом полустарик-

Ю. Ярвет — Король Лир. В. Шендрикова — Корделия.

«Дядя Ваня». С.Бондарчук в роли доктора Астрова.

Кадр из фильма «Бег».

АТОГРАФ

полуребенок, добрый, но капризный Лир прозревает только тогда, когда прозрение становится для него еще более мучительным, чем даже сама смерть.

И, однако, трагическим исходом судьбы героя режиссер не зачеркивает устремленной вперед истории народа, жизни народа. Не отнимает у шекспировского рассказа великого, утверждающего, нравственного смысла. Напротив. В фильме есть силы, предсказывающие и определяющие будущую победу — пусть архитруднейшую — светлых сил добра и правды. И это прежде всего народ, те самые люди, из среды которых вышел Шут, сыгранный Олегом Далем, множество людей, чьи лица, заострившиеся, изможденные, полные страдания, взыскательно, требовательно, ожидающе смотрят на Лира тысячами глаз.

Окружая Лира в большинстве сцен народом — тут и воины, и слуги, и бездомные скитальцы, и бегущие от меча и пожаров мирные труженики,— Г. Козинцев делает многолюдные, удивительно объемные, пластичные массовки значительными и грозными... Дышащие внутренней силой лица не просто картинны: каждая фигура, которую успевает выхватить наш зрительский взгляд среди массы людей, полна жизни и смысла.

Только здесь, вытолкнутый в среду обездоленного народа своими старшими дочерьми, прогнанный в угрюмую каменистую пустыню, расстилающуюся за глухими воротами дворца, оказавшись,— как, впрочем, многие его подданные,— без пищи, без крова над головой, Лир в болезни, страдании и сокрушении сердца начинает постигать весьма важные для себя (и для нас всех) истины. Только тут он понимает, что жил неверно. Жил, принимая лесть и криводушие Гонерильи и Реганы за любовь, отбрасывая искренность, строгую честность Корделии как черствость...

Корделия, сыгранная В. Шендриковой, не просто красива в этом фильме: ее красота освещена ясным светом души. Образ младшей дочери Лира несет огромную смысловую нагрузку в фильме Г. Козинцева, как и образ герцога Олбенского, созданного Д. Банионисом. Собственно, они оба помогают нам окончательно осмыслить, усвоить те великие уроки, которые Лиру дает сама жизнь. Если бы не они, король,— сперва такой беспечный, легко взрывающийся, каким мы видим его в исполнении артиста Юри Ярвета,— не умеющий вникать в истинную душевную суть других людей, ценить истинное человече-

ское богатство — дружбу и верность, оставлял бы нас в печальном заблуждении, что зло необоримо. И тем паче необоримо, если использует в своих корыстных целях такую полную и такую слепую доверчивость... Но и Корделия — Шендрикова, и Олбени — Банионис **знают**, что без борьбы и ошибок, наверное, невозможен вообще путь человеческий. И что поэтому их место там, где может победить в человеке начало разумное и доброе.

Победа добра и разума — как победа начала народного — становится финалом трагедии, прорываясь сквозь горечь безутешных стенаний Лира... Многое он утратил. Многое понял слишком поздно. Зато успел научить нас всему тому, чего не знал сам.

Другой мир... Другие образы жизни... Другое обличье эпохи, другие герои...

Впрочем, как и «Король Лир», фильм «Дядя Ваня» начинается неожиданным и резким вторжением эпохи в жизнь героев, в мелкопоместный, узкий, маленький, казалось бы, человеческий мирок. Вторжением колючего, острого, как хлещущий за окнами усадьбы дождь, ощущения неустроенной, идущей где-то рядом трагической жизни народа... Ощущения тех больших социальных волнений и конфликтов, которые неминуемо вели Россию предреволюционную к великому грядущему взрыву.

Зрителю сразу же сообщают об историческом содержании и значении того времени, когда Чехов, как мы привыкли считать, очень лирично и мягко показывает нам героев «Дяди Вани» — людей, занятых будто всего лишь какими-то своими собственными неурядицами, незначительными ссорами и столкновениями и столь же деликатно недоговоренными, приблизительными «примирениями».

Истинное содержание событий в фильме «Дядя Ваня», который создан А. Кончаловским, весь их подспудный, подлинный смысл разгаданы, увидены и раскрыты с позиции того единственного, подлинно **героического героя**, который излагает здесь, собственно говоря, авторскую, **чеховскую** точку зрения на жизнь; доносит до нас скрупулезное, **чеховское** знание народной жизни... Это не кто иной, как доктор Астров. Персонаж вроде бы эпизодический. Человек, лишь временами бывающий в доме и поместье, которым управляет дальний родственник профессора Серебрякова дядя Ваня.

Именно доктор Астров, с могучей трагической силой и глубочайшим внутренним проникновением сыгранный С. Бондарчуком, и становится в фильме главным действующим лицом. Он входит в мир людей не то что праздных, но бесконечно далеких от жизни народа, ежеминутно несся в себе, в своих мыслях, чувствах и ощущениях остро и мучительно ту жизнь, которой в доме Серебряковых просто не знают да и знать не хотят... Страшными, неоспоримыми документами этой жизни — фотографиями полуживых и мертвых, погибших от эпидемий и голода крестьян — детей и взрослых — начинается картина... Нет, это уже не длинные одеяния-рубища нищих, не картинные посохи седовласых слепцов... Это иссохшие люди-скелеты; трупы детей в гробиках; истощенная, неродящая земля... Россия, загнанная царизмом, замученная правителями, преступно равнодушными, безразличными к жизни народа... Жизнь эта вопиет о себе кругом. Но никого она не трогает, не волнует здесь, в доме дяди Вани, кроме доктора Астрова.

Отстранившиеся от народных страданий, скучающие в безжизненном вакууме своего сытого, но унылого, монотонного и бессмысленного существования, «герои» чеховской пьесы впервые предстали такими, какими, наверное, видел их Чехов, когда вдруг устами доктора Астрова говорил о них с внезапной яростью: «...все вы, братцы, представляетесь мне такими букашками... микробами».

Будто впервые слышим мы эту грубую и резкую, беспощадную правду, заключенную в астровском обвинении, прямом и бескомпромиссном... Ведь раньше, не правда ли, все обитатели дома Серебряковых казались нам одинаково изящными, одинаково милыми. Все будто в них было красиво: и душа, и мысли, и одежда... И разве один только профессор Серебряков оставался исключением из этого милого, изящного общества.

Сейчас размежевание сил в фильме А. Кончаловского уже не допускает прежних «размытых» полутонов. Доктор Астров С. Бондарчука присутствует в доме дяди Вани, которого с иронической печалью играет И. Смоктуновский, — пусть не как обвинитель этих никчемных людей, но как защитник и представитель интересов народа, думающий о народе ежедневно и ежечасно, заботящийся о нем делом и помышлением...

В обществе чистых, красивых, вялых людей, занятых только собою и равнодушных ко всему окружающему, доктор прост и добр только со старой нянькой; с нею он держится свободно, раскованно, глаза его светятся приветливо, ясно. Все остальные словно глухой стеной отгорожены от Астрова, а тем паче от невыносимой боли народной, от страданий народных, которые несет в себе герой Сергея Бондарчука.

Наиболее выразительно и полно воплощает в картине А. Кончаловского эту нравственную слепоту и глухоту, конечно же, И. Смоктуновский в заглавной роли. И тут режиссер снова чудесно предугадывает великие творческие возможности артиста. И. Смоктуновский, как и С. Бондарчук, вроде бы ничего не «играя», показывает такую исключительную, такую полную душевную изоляцию от идущей вокруг нелегкой жизни страны, такое непонимание окружающего, присущие дяде Ване, какие и предстают крупным историческим обобщением: бедой, а то и виной обитателей многих таких же, безнадежно обветшавших, изживших себя усадеб российских...

Поглощенность дяди Вани собою может сравниться разве только с блистательным, артистически изящным эгоизмом псевдоученого профессора Серебрякова. Собственно, дядя Ваня И. Смоктуновского, наконец-то разгадавший внутреннюю пустоту, бездарность профессора Серебрякова, очень убедительно выраженную артистом В. Зельдиным, хотя и очень тонко им замаскированную, завидует профессору так мучительно и так болезненно, что, думается, именно зависть становится причиной их внезапной, непримиримой ссоры.

Однако ссора Серебрякова и дяди Вани является в фильме конфликтом всего лишь внешним, поверхностным. За его застойным, медлительным течением опять же идут иные — глубинные, трагические конфликты, ведомые одному лишь доктору Астрову. Он — живой их участник, а не только свидетель. Он пытается что-то делать, как-то помогать народу; он лечит и землю и народ, одинаково заброшенные «хозяевами»; насаждает леса на истощенную почву, бесстрашно бросается в районы эпидемий... И все тщетно... Поэтому-то, выражая душевный непокой и страдания Астрова, Бондарчук стремится скрыть их от всех обитателей дома дяди Вани: они все равно ничего не поймут!.. Ведь не понимают же Астрова ни Елена Андреевна, ни даже Соня (И. Мирошниченко и И. Купченко), хотя обе они влюблены в него, каждая по-своему... Ими движут разные заботы, разные интересы; они и видят и чувствуют мир поразному.

Необычное, подчеркнуто драматичное, даже трагическое в отдельных эпизодах прочтение чеховского «Дяди Вани» именно и привносит, на мой взгляд, в фильм А. Кончаловского необходимое ему и скрытое в нем высокое ощущение света, большой правды истории, обретенное в ходе революционной жизни народа. Новая же трактовка образа доктора Астрова, думается, имеет тут значение решающее, на редкость мощно и точно согласуясь с правдой и светом нашего нынешнего дня, когда с таким острым ощущением любви и благодарности вспоминаем мы о многих «печальниках» и «заботниках» народных... Астров Бондарчука — из плеяды замечательных русских интеллигентов, людей, живших одной жизнью с родным народом, деливших с ним горе и радость... И как же нам, зрителям, хочется сказать Астрову: смотри, не прошло двухсот лет, как ты думал, а твоя единственная боль и любовь — твой народ живет так, как в предреволюционные годы мечтали многие прекрасные, тебе подобные люди России...

И снова обступают зрителя судьбы человеческие... И снова постигаешь непередаваемую сложность этих судеб, лишь соотнося их с судьбой народной. Широко и грозно, множеством событий разметнулась она в эпоху грянувшей в стране революции и гражданской войны.

«Бег»... Лавина обдуманных, «сознательных», если можно так выразиться, отступлений и предательств. Лавина бесповоротного, непоправимого поражения, а значит, и бегства, сопровождаемого никчемной и безудержной жестокостью. Лавина окончательного, но все равно болезненного, мучительного отрыва от Родины всего того, что ей было чуждо, чужеродно... Лавина страшная, паническая, влекущая за собой множество бессознательно, безвольно катящихся, как камушки за волной в час бури, человеческих судеб, сломленных в своем привычном бытии... Сломленных порой бесповоротно, а порой кому-то оставлявших еще робкую надежду на возвращение, а значит, и новую жизнь.

Фильм А. Алова и В. Наумова заранее вызывал огромный зрительский интерес. Во многом он оказался оправданным.

Главная удача картины — многие крупные, сильные образы людей, навсегда теряющих Родину и вместе с нею смысл своего существования. Образы эти и делают таким значимым, актуальным фильм об ущербности, бесперспективности эмиграции... О духовной смерти людей, которая приходит к ним раньше, чем смерть физическая, реальная.

Словно обломки разбитых судов на поверхности бушующего моря, возникают в фильме останки судеб — прежде «благополучных», а ныне странно и страшно сместившихся... Холодный политикан Корзухин — его предельно саркастически играет Е. Евстигнеев; генерал Чарнота в остром исполнении М. Ульянова; Хлудов—В. Дворжецкий; полковник-самоубийца О. Ефремова; Люська, возлюбленная Чарноты, сыгранная Т. Ткач, — все это человеческие осколки мира бывшей царской империи, разбитого вдребезги Революцией...

Здесь видишь не тех никчемушных, сер싱ких человечков, которые, изнывая от скуки и безделья, отсиживались в своих мелкопоместных уголках... Нет, все больше здесь те, кто был облечен полнотой власти, кто пытался повелевать страной, командовать народом, управлять ходом жизни, истории... А на поверку — умеющих только мучить и вешать.

Продолжая убивать, уничтожать все живое, бегут они, как крысы, с русской земли. И чаще всего именно картины бегства рождают в душе зрителя торжествующее чувство справедливости...

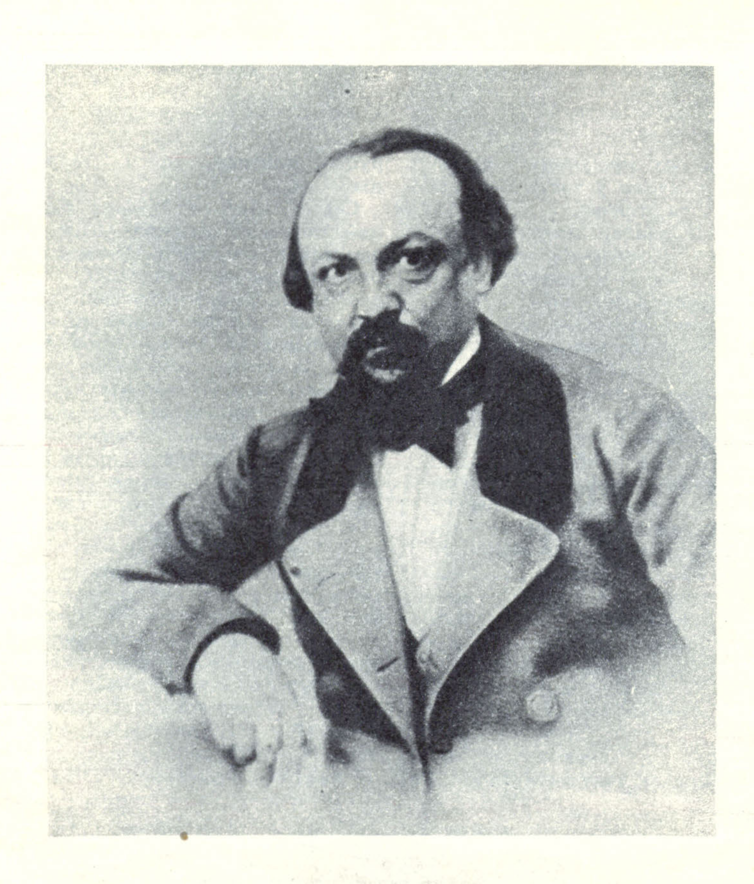
Родина карает отступников самой страшной карой. Пути назад для них нет и быть не может. Возвратятся в Россию лишь безвинные — те немногие, что бездумно, безвольно вовлеклись огромной волной бегства... Скромный, добрый усталый русский человек, скорбящий о Родине, сыгранный А. Баталовым, бывшая жена Корзухина в исполнении Л. Савельевой... Найдя свою любовь, они, возможно, найдут и пути к народу, чтобы отныне служить ему...

Все это есть в картине «Бег», как и в произведении М. Булгакова, хотя современный, ярко решенный фильм вдруг порою начинает старательно доказывать зрителям то, что в доказательствах не нуждается; тогда сразу же возникают в картине длинноты, иллюстративность, дидактика...

Возможно, таковы неминуемые издержки сложного вообще булгаковского стиля и, конечно, «Бега» — произведения, труднейшего для экранизации.

Какие-то споры, по всей вероятности, возникнут и вокруг «Лира» и особенно «Дяди Вани», где многое решено вопреки прочтению обычному.

Но не следует ли все же считать драгоценной находкой, важным художественным открытием новых советских картин ощутимую соотнесенность их с главным ходом жизни? Ходом большой истории народа?

БЕСПОЩАДНЫЙ РЕАЛИСТ

К 150-летию со дня рождения А. Ф. Писемского

Ник. КРУЖКОВ

Так критик-демократ Писарев назвал Алексея Феофилактовича Писемского. Он действительно был таковым. Этот провинциал, явившийся из костромского захолустья, едва расставшись со столом канцеляриста, предъявил себя художником зорким, наблюдательным, дерзким, беспощадным. Он отлично знал жизнь во всех ее проявлениях, на каждом шагу сталкивался с низостью, подлостью, корыстолюбием, чванством, глупостью и ограниченностью так называемого приличного общества. Его первый роман «Тюфяк» был читающей Россией зачислен в ряды лучших произведений отечественной литературы. Современники ставили Писемского на один уровень с Гончаровым, Островским и Тургеневым, а иногда даже отдавали ему предпочтение. Тот же Писарев, которого никак нельзя обвинить в мягкости и склонности к комплиментам, говорил: «У Писемского букет нашей жизни, как крепкий запах дегтя, коноплянника и тулупа, поражает нервы читателя помимо воли самого автора... Писемский лепит прямо с натуры, и создания его выходят некрасивые, грубые, кряжистые, как некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура». Чиновничья служба была мучительна для Писемского, но она и предоставила ему огромное поле для наблюдений. В своей краткой автобиографии Алексей Феофилактович пишет: «Беспрерывные следственные поручения дали мне возможность хорошо познакомиться с бытом простолюдинов и видеть разнообразнейшие страсти людские в самой жизни». Службу, впрочем, пришлось вскоре оставить. Заскорузлое костромское чиновничество не могло примириться с мыслью, что в его среде объявился писатель, человек, следовательно, опасный, который того и гляди кого-нибудь из них в комедию вставит, чина и звания не пощадит. Быстро ему схлопотали перевод в Херсон «для пользы службы», но в Херсон Писемский не поехал, предпочтя выйти в отставку.

Пожив немного в своем захудалом именьице в Раменье, коллежский секретарь в отставке Писемский переехал в Петербург. «В Питер, в Питер! Бог с ним, с этим уединением, в котором я даже сочинять не могу»,— писал он в одном из своих писем.

В столице Алексей Феофилактович удивлял многих. Говорил он с нарочитым костромским акцентом, столичными манерами и обыкновениями пренебрегал, своей внешностью он никак не напоминал записного литератора, витию, а скорее — простецкого стряпчего. «Трудно себе и представить,— вспоминает его современник П. В. Анненков,— более полный, цельный тип чрезвычайно умного и вместе оригинального провинциала, чем тот, который явился в Петербург в образе молодого Писемского с его крепкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими, наблюдательными глазами и ленивой походкой».

Автор восьми романов, многих пьес, рассказов и очерков, Алексей Феофилактович Писемский занял значительное место в русской литературе. Более того: без Писемского невозможно представить себе историю развития русской общественной мысли. Никакие специальные исследования не дают столько материала, столько неопровержимых наблюдений, столько сведений о том, как жили русские люди в середине прошлого века, как созревали в их среде силы протеста и возмущения, как готовилась почва для грядущих социальных взрывов! Книги Писемского говорили: духота в России, невыносима жизнь, быть грозе!

Он не был прямолинейным проповедником и разоблачителем. Его творческая манера отличалась медлительностью действия, отсутствием каких бы то ни было звонких фраз и призывов, чрезмерной, показалось бы нам, детализацией быта. Если в романе появляется герой, так уж будьте любезны узнать во всех подробностях, какая у него внешность, и какой тут стоит диван, и чем он покрыт, и какие книги и журналы лежат на кабинетном столе, и как выглядит трость, поставленная в угол. Писемский обо всем повествовал спокойно, временами только допуская легкую ироничность. «Хвалить на первых порах начальника составляет один из самых характерных признаков чиновников...» Великий Чернышевский тонко заметил по поводу своеобразия таланта Писемского: «Он редко говорит о чем-нибудь с жаром, над порывами чувства у него постоянно преобладает спокойный, так называемый эпический тон... Он излагает дело с видимым бесстрастием докладчика,— но равнодушный тон докладчика вовсе не доказывает, чтобы он не желал решения в пользу той или другой стороны...»

Сквозь кажущееся бесстрастие художника встает точная и емкая картина жизни, при виде которой хочется воскликнуть: как же ужасна и невыносима была тогдашняя действительность! Один из героев его в свое время нашумевшей пьесы «Ваал», Мирович, говорит о капитале, его владельцах и прислужниках: «Для этих господ скоро придет их час, и с ними, вероятно, рассчитаются еще почище, чем некогда рассчитались с феодальными дворянами». Пророчество, произнесенное сто лет тому назад! Был дар предвидения у этого человека.

В своем творчестве Писемский не был до конца последователен. Его роман «Взбаламученное море», в котором он проявил явственно выраженные охранительные тенденции, неверие в народные силы, был осужден не только революционными демократами, но и либеральными друзьями автора. Этот роман бросил тень на всю творческую деятельность Писемского, и многие дореволюционные критики и критики первых лет революции не раз сопрягали имя писателя только с этим романом. Это несправедливо. Как бы споря с самим собою, он написал после этого и «Люди сороковых годов», и «В водовороте», и «Мещане», в которых как бы обрел новые силы, второе дыхание. О романе «В водовороте» Н. С. Лесков писал: «Я... совсем в восторге от романа, и в восторге не экзальтационном, а прочном и сознательном... А наипаче всего радуюсь, что... «орлу обновишася крыла и юность его». Очень тепло отзывался об этом романе Лев Толстой, который, как известно, был крайне строг к своим собратьям по перу. По поводу романа «Мещане», посвященного теме буржуазного стяжательства и хищничества, власти купеческих Таганок и Якиманок, Тургенев в своем письме автору заметил: «Чтение «Мещан» доставило мне много удовольствия... вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость таланта, которые особенно свойственны вам и составляют вашу литературную физиономию. Виден мастер, хоть и несколько усталый, думая о котором, все еще хочется повторить: «Вы, нынешние, нут-ка!»

Мы бы совершили непростительный грех, если бы, уподобляясь вульгарным социологам 30-х годов, ограниченно именовавшим Писемского идеологом мелкопоместного дворянства, педалировали бы на его недостатках и просчетах. Это был большой, крупный и сильный художник.

И он значителен не только с исторических позиций. Взявшись за такой, например, роман Писемского, как «Тысяча душ», вы, современный читатель, войдя в сложную, пусть старомодно-замедленную ткань повествования, не оторветесь от него, хоть и давно прошла и канула в вечность описываемая жизнь. В вас пробудится живой интерес к судьбам героев романа, к событиям, которые развертываются на его страницах, вы почувствуете себя завороженным талантом писателя, надолго в вашей памяти останутся люди и лица, обстановка и места действия. Все предстанет перед вами в самом живом и натуральном виде, кажется, что вы сто лет сами знали этих людей — и добродушного Годнева, и его прелестную дочку Настеньку, и простоватого дядюшку капитана с его вечной трубкой, и ретивого администратора Калиновича, который, хотя и был начальник «в новом вкусе», все же признавался прохвосту князю: «Мы, однако, князь, ужасные с вами мошенники!..»

Общение с таким художником, как Писемский, доставляет живейшую радость всякому, кто любит русскую литературу, кому дороги ее ширь, ее размах, ее правдивость и гражданская честность. Писемский умер девяносто лет назад, но творчество его не умерло, не поросло быльем, не оттеснено безвозвратно. След, оставленный в жизни русского общества этим художником, суровым и беспощадным реализмом, свеж и значителен. Его не затопчет время. Истинный талант времени не подвластен.

Н. ХРАБРОВА, К. ЧЕРЕВКОВ

СВЕТЛАНА СО «СВЕТЛАНЫ»

Тоненькая, в твердом переплете книжка. У нее нет цены в прямом и переносном смысле. В деловых кругах Ленинграда эта книжка — чтение номер один. Ее издатель — ленинградское объединение электронного приборостроения «Светлана». И популярна она не только в Ленинграде.

«...Классической иллюстрацией того, как экономическая реформа улучшает благосостояние трудящихся и увеличивает фонды социального развития на некоторых предприятиях, является пример ленинградской фирмы «Светлана»,— писала английская газета «Морнинг Стар». Статью эту нам показали на заводе. Далее в ней сообщалось, что благодаря повышению производительности труда на «Светлане» получены высокие прибыли. На образование, строительство новых квартир, домов отдыха, спортивных баз из этих прибылей в 1971 году будет израсходовано полтора миллиона рублей, или семьсот тысяч фунтов.

«Морнинг Стар» называет только удобно в новых цехах, среди новых станков. Второй — целиком посвящен людям. Он предусматривает широкие комплексные социологические исследования жизни человека на работе и дома. Третий — имеет в виду улучшение условий труда и укрепления здоровья рабочего. И, наконец, четвертый раздел плана посвящен улучшению жилищно-бытовых условий, культурному и духовному росту человека.

Все облечено в точные формулы. Каждая статья плана опирается на строго регламентированный денежный фундамент: финансовая основа социального плана «Светланы» строго научна и обоснованна, она зиждется на фондах, возникших в результате внедрения экономической реформы.

Важными действующими лицами — исполнителями плана — стали Социология и Производственная Психология, две молодые науки XX века. Составляя план, партийные и хозяйственные руководители «Светланы» знали: традици-

боте хорошие отношения с коллегами, то и нервы у вас в порядке и работается отлично.

Юрий Казаков, применяясь к специфике «Светланы», разработал анкету из 35 вопросов, очень простую для заполнения и к тому же анонимную. Она на многое пролила свет. Выяснилось, например, что 92 процента опрошенных работают на «Светлане» потому, что их интересует выпускаемая объединением продукция — полупроводниковые приборы и электровакуумное оборудование. Значит, дело вовсе не в погоне за длинным рублем: в Ленинграде немало заводов с более высокими заработками, а рабочие руки ныне везде нужны. Но вот что еще выяснилось: у 21 процента опрошенных плохие отношения с администрацией; у 48 процентов — конфликты друг с другом; у 20 процентов — конфликты с браковщицей. От таких неприятностей впору только увольняться: вот одна из разгадок текучести рабочей силы.

лубых, розовых, желтых, зеленых шапочек.

Света работала сначала ученицей, потом сборщицей, потом испытателем приборов. Теперь она браковщица и овладевает еще специальностью заготовщицы.

Условия для повышения профессиональных навыков — тоже один из результатов социального плана. Выстроен новый учебный корпус. За время существования социального плана свыше 14 тысяч рабочих получили более высокий разряд и приобрели вторую профессию. Идет переподготовка специалистов — инженерно-технические работники проходят полугодичные курсы. Завершая курсы, пишут рефераты, защищают их перед комиссией. Здесь же и университет культуры — занятия ведут ученые, деятели искусства. Три профессионально-технических училища готовят для «Светланы» молодых рабочих. В радиополитехникуме, находящемся тут же, за проходной, на дневном отделении учатся 100 светлановцев, на вечернем — 400.

Испытатель электровакуумных приборов комсомолка Лилия Горюнова.

Здесь рождаются детали радиоламп. Фото Н. Ананьева и Л. Шерстенникова.

суммы, ассигнованные на один год. План, откуда взяты эти цифры, имеет длинное научное название, а в просторечии называется социальным планом. У него своя история. Начало его относится к XXIII съезду КПСС. Именно в те дни, когда делегаты съезда выступали со своими предложениями о необходимости ускорения технического прогресса, о новой системе планирования, повышения материальной заинтересованности, о мерах для всестороннего улучшения жизни работающего человека,— именно в те дни на «Светлане» тысячи людей обдумывали свой социальный план. На первый взгляд неискушенному человеку может показаться, что ничего принципиально нового в этом плане и нет: просто увеличение количества новых квартир, хорошо оборудованных кабинетов в поликлинике, профилакториев и домов отдыха. И, конечно, реконструкция цехов и оборудования. Однако же в социальном плане «Светланы» появился новый акцент, который сразу все изменил качественно. В центре внимания встал Человек.

Первый раздел плана — технический прогресс, реконструкция цехов и оборудования — был задуман так, чтобы человеку стало онным вопросом «Ну, как живешь?» и ответом «Ничего, мол, спасибо!» уже больше не обойдешься. В цехах появилась Алла Александровна Русалинова — сотрудница Научно-исследовательского института комплексных социологических исследований при Ленинградском государственном университете. Была создана социологическая служба, в которую вошли инженеры, а также инженер-психолог, выпускник Ленинградского университета Юрий Алексеевич Казаков. Он занялся такой тонкой и неведомой доселе стороной заводской жизни, как психологический климат в цехе.

— Видите ли, если человек устает от жары и духоты в цехе,— рассказывает Казаков,— это можно ликвидировать с помощью вентиляции. Усталость от монотонности в работе нам удается снять, например, производственной гимнастикой или музыкой. Но человек подчас больше устает от личности мастера или соседки по конвейеру. Вот мы и стремимся установить в цехах теплый психологический климат как по вертикали, так и по горизонтали, то есть отношения работницы и мастера и отношения между работницами на участке. Согласитесь: если на ра-

Социологи «Светланы» оказались деловыми людьми, они дали много целесообразных рекомендаций: посоветовали изменить систему оплаты труда так, чтобы весь коллектив не страдал материально от брака одной работницы; рабочие столы не расставлять далеко друг от друга в одну линию. Некоторым мастерам было предложено подучиться на курсах повышения квалификации, некоторым напомнили правила поведения в коллективе, а некоторых вовсе заменили.

За период между съездами партии на «Светлане» многое изменилось. В особо жарких и душных цехах появился кондиционированный воздух. В сочетании красок, в расстановке растений, в интерьере рабочих и бытовых помещений — всюду чувствуется хороший вкус молодых художников.

Беседуем с браковщицей Светланой Сысоевой, комсоргом участка коммунистического труда. Поступила она на «Светлану» два с лишним года назад, когда перестройка цехов подходила к концу. Девушка надела белый халатик, прикрепила к легкой белой пилотке фирменный значок «Светланы» и узнала, что работающих на разных участках можно различить по цвету высоких крахмальных го-

Социальный план и сюда внес новый подход к старым проблемам. Технологам и инженерам для знакомства с мировой технической литературой необходимо хорошо знать иностранные языки. Мы побывали на занятиях и не без зависти слушали, как в одной группе, отвечая по-французски сопромат, студенты с шиком раскатывают «р», а в другой с хорошим произношением говорили по-немецки.

Есть на «Светлане» и филиал Северо-Западного политехнического института. Один из его многочисленных воспитанников, начальник сборочного цеха Геннадий Никитич Лебедев, восхвалял свой вуз с таким же пылом, с каким некогда прославлял царскосельский лицей Пушкин. Сейчас Лебедев — крупный инженер, член партийного комитета объединения, находится в резерве руководства: это значит, что в случае необходимости он сможет заменять руководителей, в частности, недавно замещал главного инженера. А пришел Лебедев на «Светлану» слесарем-инструментальщиком с невысоким разрядом. Здесь окончил вечернюю школу и сразу же поступил на вечернее отделение института. Прошел путь от рабочего до начальника цеха. И таких людей тут десятки.

— ...А как вы смотрите на высшее образование, Светлана? — продолжаем мы наши расспросы.

— Конечно, буду учиться. На заводе все условия для этого. Меня по-настоящему интересует производство полупроводников. Осенью постараюсь поступить в институт. Как это скажется на моей работе, пока не знаю. Просто я хочу стать образованным человеком. Хочется знаний, и не только профессиональных. Как-то ходили мы с нашей группой на выставку французских импрессионистов. Я очень многого ждала от этой выставки, а ушла оттуда разочарованная. Только импрессионисты тут не виноваты. Просто я плохо знаю живопись, а как же можно судить о том, чего не знаешь... Надо учиться.

Недавно мне помогли устроить сынишку в круглосуточные детские ясли. Теперь у меня будут свободные вечера, можно читать, ходить в театр, заниматься.

— А как вы отдыхаете?

— Наша комсомольская группа очень дружная. Вместе отмечаем дни рождения, вместе ходим на вечера во Дворец культуры. Зимой выходные проводим на нашей лыжной базе в Рощине. Очень популярен у нас каток. Вы ведь знаете, наверное, что чемпионка мира Нина Статкевич — наша бывшая работница. Многие отдыхают в профилактории. Летом ездим в дома отдыха — кто в Лугу, кто в Орехово, кто в Прибалтику.

— Как укладываетесь в бюджет?

— Трудновато бывает, когда сын болеет, я ведь в это время на больничном листе. Но тогда мне профком помогает. Сын одет у меня хорошо, даже и не знаю, что хотела бы купить ему. А себе я недавно новое платье купила, модное такое, о каком мечтала. К будущей зиме сошью пальто.

— А питаетесь как?

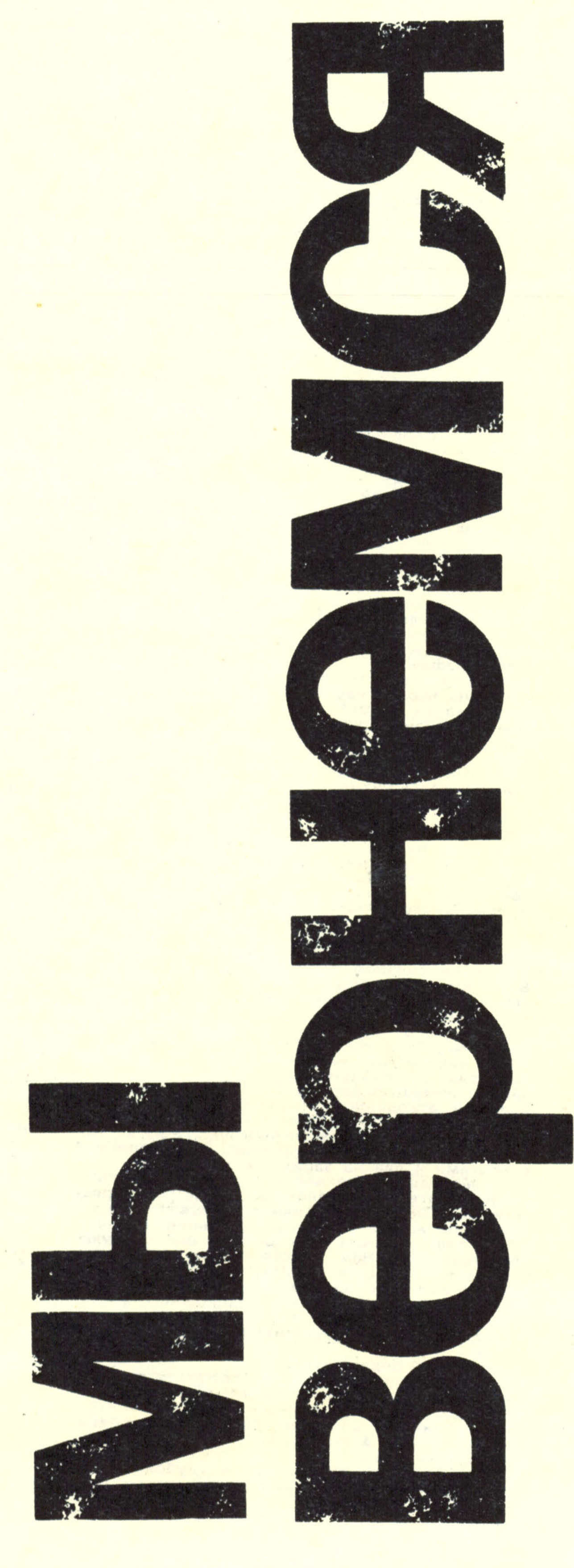
— Хорошо. Обеды у нас в столовой вкусные и дешевые.

...Вот такая она, Светлана Сысоева со «Светланы». Обыкновенная. С жизненными трудностями, которые ей легче преодолевать благодаря материальной помощи завода. И морально ей легче переносить трудности, потому что она дружна со многими в цехе. Она настроена оптимистично. Жизнь на производстве устроена так, что, с одной стороны, требует от человека интеллектуальной отдачи работе, а с другой стороны, имеется немало возможностей для интеллектуального роста. Светлана работает рядом со студенткой, и это соседство заставляет ее думать об институте. Посещение выставки не прошло для нее бесследно, она задумалась о живописи. И ей никак нельзя не читать того, что читают и о чем говорят другие.

Может быть, это слишком прямолинейно — связывать бесхитростный рассказ одной из работниц с социальным планом всего объединения. Нам кажется, что нет. Ведь план этот не только для всех, но и для каждого...

И уже составлен новый социальный план светлановцев — на девятую пятилетку. В центре его — всестороннее, гармоничное развитие личности, воспитание нового человека.

◀ **Ирина Чиженкова — студентка радиополитехникума. Все предметы она и ее товарищи по группе изучают на немецком языке.**

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 8—11.

ОХРИМ ПОПАДАЕТ В ОТРЯД МЛЫНСКОГО

— Спасибо!

— Вовек не забудем, от смерти спасли!

— Спасибочко огромное вам! — наперебой благодарили Охрима люди, когда углубились в лес.

Охрим еле успевал отговариваться:

— Я что! Я ничего особенного не сделал!

Молчал только пожилой человек в красноармейской гимнастерке, прихрамывавший на раненую ногу. Когда все стихли, он воспаленными, усталыми глазами в упор глянул в лицо Охрима, подозрительно спросил:

— Скажи, что заставило тебя ради нас рисковать жизнью?

Охрим ожидал этого вопроса.

— Хочу искупить свою вину!

— Какую вину? — не отставал все тот же человек.

— Чего пристал? — огрызнулся Охрим.— Жандарм, да и только!

Его поддержали шедшие рядом:

— Чего прицепился, Октай? Скажи спасибо, что на свободе, а ты донимаешь человека дурацкими вопросами.

Октай замолчал, но по всему видно было, что не успокоили его ответы Охрима. Полицай — и вдруг освободитель.

Понимал это и Охрим.

Изнуренные люди шли, тяжело дыша, еле передвигая ноги. Охрим предложил передохнуть. Опустились на пожухлую траву.

— Давайте сначала подзаправимся! — предложил Охрим, выкладывая из рюкзака хлеб и консервы.

У сидевших рядом заблестели глаза, а Октай опять с подозрением. «Барский харч у него,— подумал,— значит, птица та».

Охрим тем временем открыл консервные банки.

— Одна на три человека! — пояснил он.

Потом разрезал на равные куски буханку хлеба и тоже роздал. Когда поели, Охрим налил из фляги по глотку самогона, на закуску дал по галете и, завязывая рюкзак, сказал:

— Решайте! Что будем делать?

Сидевший рядом тощий солдат, одетый в замусоленную, без петлиц шинель, ответил:

— Что мы можем сделать, если нас горстка да и оружия — три автомата? — Посмотрев исподлобья на Охрима, неуверенно продолжил: — Может, потихоньку пробираться к своим будем... пока линия фронта...

Его перебил Октай:

— Линия фронта далеко. Нужно найти партизан. Это самый верный путь. Тут и мудрить нечего.

Охрим оживился. Он горячо поддержал предложение Октая.

— Теперь решайте, да побыстрее, в какую сторону податься... Немцы, небось, уже давно ищут нас.

— Это как пить дать! Я не знаю, куда вы думаете идти, что касается меня, то я пойду только к партизанам,— решительно заявил Октай.

— Правильно думаешь, Октай! — сказал Охрим.— Я то же самое предлагаю.

— А где искать их? — спросил стоявший в стороне человек средних лет.

— Ищи ветра в поле! — ответил кто-то.

— У них одна дорога, а у нас сотни! — добавил другой.

Рядом с Охримом сидел молодой солдат. Его большие черные глаза внимательно следили за теми, кто принимал участие в разговоре. По всему видно было, что он тоже хочет что-то сказать. Он поправил сбившийся на лбу бинт, сквозь который проступило бурое пятно крови, вскинул глаза на Охрима, сказал:

— Мне пришлось побывать в отряде майора Млынского. Давно, правда. Где он сейчас, не знаю.— Помолчав, добавил: — С того времени много воды утекло.

Охрим повеселел, удача, казалось, сама шла к нему.

— Надо искать отряд майора Млынского,— решительно поддержал он.— У меня для него есть важные сведения.

Обращаясь к солдату, назвавшему фамилию Млынского, продолжал:

— Веди нас к месту, где расстался с отрядом. Мы порасспросим местных, авось, нападем на след. Терять нам все равно нечего.

Шли гуськом след в след.

Обойдя густой кустарник, группа вышла на залитую солнцем, широкую, изрытую воронками дорогу. Там и тут валялись разбитые автомашины, обгорелые танки и изуродованные каски. Узкими змейками направо и налево от широкой дороги уходили в глубину леса грунтовые дороги. У развилки одной из них, уходившей на восток, ведущий остановился.

— Пойдем по этой! — уверенно сказал он Охриму.

— По этой, так по этой,— согласился Охрим, не требуя объяснений.

Но ведущий все-таки разъяснил:

— По ней давно никто не ездил, значит, встреч с немцами не ожидай.

Целый день шли на восток. К вечеру, усталые, вошли в лесной поселок.

Вместо веселых домиков теперь по обе стороны улицы виднелись кучи золы и щебня. У самого леса стоял одинокий домик, из окон которого пробивался слабый свет.

Подошли к домику, постучали.

— Кто там?—спросил слабый женский голос.

— Свои, откройте!

— Кто это свои? — несмело спросила женщина.

— Красноармейцы! — уверенно проговорил Охрим.

Звякнул засов, и широко открылась дверь. На пороге стояла худенькая старушка.

— Входите, коль свои! — неуверенно пригласила она.
В просторной комнате при слабом свете керосиновой лампы она оглядела гостей, поинтересовалась:
— Какие же вы красноармейцы, коли у вас одежонка и та разная?
Стоявший возле нее Октай положил руку на плечо старушки, как мог спокойно пояснил:
— Мы, бабуся, из немецкого плена бежали. Не только одежонки, жизни едва не лишились.
— Горемычные вы мои! — сочувственно сказала хозяйка, пригласила всех к столу, а сама стала хлопотать возле печи.
Усевшись на лавке, Охрим донимал старушку вопросами: кто сжег поселок, где его жители, бывает ли кто у нее?
Хозяйка отвечала не торопясь, часто вздыхала, то и дело вытирала рушником слезы.
— Поселок наш знччтожили немецкие самолеты. Кто цел, ушел куда глаза глядят. Одна я осталась да хата моя, чудом не побитая. Все деда поджидаю своего.
Постояла немного молча, затем подхватила казанок и вывалила из него в большую деревянную миску сваренную в мундире картошку. Принесла буханку черного хлеба и соленых огурцов.
— Откушайте что бог послал!
Люди жадно смотрели на пар, что вился над миской с картошкой.
Охрим разлил из баклажки остаток самогона, все выпили и навалились дружно на еду. Спать улеглись на полу. Только Охрим и молодой солдат бодрствовали. Они подсели к бабке, осторожно спросили ее: не бывают ли в поселке партизаны?
Бабка растерялась на мгновение, потом внимательно еще раз осмотрела собеседников и, как бы поверив им, ответила:
— Заходили как-то раз красноармейцы. Правда, поселок еще целым был, все домочки, как цветочки, стояли.
— А много их было? Может, знаете, куда ушли они? — допытывался Охрим.
— Мно-го,— растянуто произнесла старушка. Подумав, добавила: — Ушли солдатики в сторону нового леспромхоза, вот туда.— Она показала рукой.
— А кто у них за старшего был? — поинтересовался солдат.
— Не знаю, сынок. Мне его не показывали.
Старушка поправила на голове белый платочек.
— Мой Матвей вроде бы сказывал, что за старшего у них был какой-то Майоров.
— Наверное, майор,— поправил солдат.
— Может, и так, сынок!
Утром старушка напоила их горячим чаем и проводила в дорогу.
Моросил мелкий холодный дождь. Намокшая трава и листья стали скользкими. Идти было трудно.
Дождь усилился. Быстро темнело. Все устали, хотелось есть. Охрим облюбовал раскидистую сосну, сказал:
— Спать будем под ней, а греться — у костра.
— Место обжитое,— пошутил кто-то...
Быстро развели костер. Не заметили, как подошли к ним бойцы Вакуленчука, как направили на них автоматы и громко скомандовали:
— Руки вверх!
Это было так неожиданно, что все подняли руки. Только Октай, вдруг опомнившись, рванулся к автомату, но тут же был схвачен.
Один из матросов подошел к костру, спросил:
— Кто такие?
— Братцы, зачем же так строго?
— Мы же свои!
— Бежали из плена.
К костру подошел Вакуленчук.
— Товарищ мичман, нами задержана группа неизвестных. Изъято три автомата. У одного гражданина оказалась пачка документов!
Докладывавший указал на Охрима.
И тут произошло непредвиденное. Молодой солдат бросился к Вакуленчуку:
— Здравия желаю, товарищ мичман!
— Сержант Бондаренко! — гаркнул мичман, а еще через секунду он уже «душил» в своих могучих объятиях сержанта.

В ЧЕРНЫХ ЛЕСАХ

Оторвавшись от немцев, Млынский привел отряд в самую гущу Черных лесов. Вдали от проезжих дорог он обнаружил заброшенный лагерь геологов.
Несколько почерневших от времени деревянных сборных домиков с заколоченными ставнями оказались вполне пригодными для жилья. В стороне от них прижался к лесу длинный, добротно сбитый сарай. Рядом стоял сруб колодца, плотно прикрытый сверху досками.
Осмотрев лагерь, Млынский обратился к Алиеву:
— Размещайте в домиках людей, обживайтесь. Думаю, что здесь мы надолго задержимся.
— Тем более что скоро зима,— согласился Алиев.
Майор посмотрел на усталые лица солдат.
— Хасан Алиев, срочно организуйте работы по утеплению сарая. Оборудуйте нары в два этажа. Позаботьтесь, чтобы людям тепло и уютно было. Русская зима — дело серьезное. А сейчас на подступах к лагерю выставьте боевые посты, хорошо их замаскируйте. Вокруг лагеря прикажите отрыть окопы полного профиля. В направлении дороги и на флангах нужно соорудить дзоты, установить в них пулеметы. Дзоты соединить ходами сообщения с окопами. Все проходы к лагерю заминировать. В минных полях оставить два прохода для своих солдат. Держать их под усиленным контролем.
Млынский немного помолчал, вспоминая, не упустил ли еще чего.
— Все строения нужно тщательно замаскировать, чтобы не были видны с воздуха. Осторожно разведать, что делается в округе. Короче говоря, нужно сделать все, чтобы исключить внезапные налеты на лагерь.
Его внимательно слушал политрук Алиев, делая записи в маленьком карманном блокноте.
И вдруг из колонны к нему со всех ног бросился Мишутка. Млынский поймал мальчишку и подбросил высоко над собой.
— Товарищ майор, в одном из домиков солдаты нашли радиоприемник и к нему несколько сухих батарей,— подойдя к Млынскому, доложил Серегин.
— Это же здорово, капитан! Если батареи исправны и мы заставим заговорить приемник, мы же... мы же... Ты знаешь, что мы можем сделать, политрук? Мы можем послушать Москву! Скоро праздник!
Млынский взял за руку Мишутку, пошел с ним в домик. Там возились люди с приемником, но с настройкой пока ничего не получалось. Зато Мишутку ожидала радость. В одной из комнат бойцы нашли обтрепанного медвежонка, трехколесный велосипед и много других игрушек. Старетьких, правда, но заставивших Мишутку прыгать и ликовать. Он бережно поднимал их с пола, отряхивал пыль и любовно раскладывал на кровати. Когда на полу не осталось ни одной игрушки, Мишутка уселся на велосипед и, прижимая к груди медвежонка, подъехал к Млынскому. Глаза мальчика блестели, худенькое личико светилось радостью.
— Ему бы играть, а он мотается по лесам,— пожалел мальчишку Серегин.
— Если бы только он...— Майор расстегнул карман гимнастерки, достал фотокарточку, передал Серегину.— Мой сынок — Володька!
Серегин долго и внимательно разглядывал озорное лицо мальчугана, беззаботно глядевшее с фотографии.
— Поразительное сходство. Тут уж никак не скажешь, что не ваш сын. Если не ошибаюсь, вы не знаете, где он?
— Не знаю! — коротко ответил Млынский.
На поляне кипела работа. Солдаты рыли окопы, заготавливали бревна для дзотов, ветками ельника накрывали крыши домов и сарая, дымилась кухня.
Алиев и Серегин руководили работой минеров.
Уже повисла над поляной луна, когда возвратились разведчики Потешина.
Сержант Потешин доложил, что вокруг лагеря в радиусе десяти — пятнадцати километров ничего подозрительного не обнаружено. И только северо-западнее от дороги, ведущей в Черные леса, километров сорок — пятьдесят от лагеря, немцы строят большой аэродром. На строительстве много военнопленных, которые живут на скотном дворе колхоза «Прогресс». В нескольких километрах от стройки расположены лагерь немецкой воинской части и складские помещения. Территория лагеря обнесена колючей проволокой и усиленно охраняется часовыми. Туда регулярно завозят груз, но какой — неизвестно. Машины крытые. В пяти километрах от воинской части проходит двухколейная железная дорога. Мост через реку, взорванный отходящими частями Советской Армии, немцы восстановили и сейчас усиленно охраняют. За час по железной дороге на восток прошли три эшелона с танками, артиллерией и солдатами и два на запад — с лесом.
— Молодцы! — похвалил разведчиков Млынский. — Лагерем в районе строящегося аэродрома мы, конечно, займемся. Результаты разведки Потешина открывают большие возможности для активных действий, но они требуют перепроверки. Нам нужно очень тщательно разведать немецкие объекты, находящиеся в районе лагеря и аэродрома, досконально изучить систему охраны железнодорожного моста. Хорошо проведенная операция позволит нам пополнить запасы боеприпасов и продовольствия.
Млынский подвел итог:
— Товарищу Серегину мы поручаем собрать более полные данные о выявленных немецких объектах, товарищу Алиеву провести политбеседы с личным составом. Разработкой операции займусь я. А теперь, если нет возражений, пора и нам отдохнуть.
Вскоре лагерь погрузился в глубокий сон. Только часовые да пулеметные расчеты бдительно несли охранную службу. Над ними шумел лес, завывал ветер. Высоко в черном небе мерцали яркие звезды.

Вакуленчук со своей группой вошел в Черные леса в полдень. Предстоящая встреча с отрядом радовала разведчиков, но Бондаренко она и радовала и волновала. Как-то встретят его товарищи, как-то расценят столь долгое отсутствие?
По-особому чувствовал себя Охрим. По пути в отряд он много раз лихорадочно обдумывал свою встречу с Млынским. Как пройдет она, удастся ли ему заставить майора поверить? Без этой веры он ничто, пустое место. Вот и сейчас партизанский наряд остановил их, выслушал объяснения Вакуленчука, беспрепятственно пропустил в лагерь, а Охрим не в меру разволновался. Дрожащими руками скрутил козью ножку, набил самосадом, закурил. Немного успокоился. Снял шапку, вытер вспотевший лоб, улыбнулся. Он на территории лагеря. Здесь должна решиться его, Охрима, судьба.
Солдаты, занятые ремонтом колодца, увидели матросов Вакуленчука, замахали руками. Вертевшийся возле них Мишутка также обрадовался возвращению разведчиков.
— Полундра! — крикнул он, сорвался с места и побежал им навстречу. Заметив незнакомых людей, остановился, насупился.
— Чего сдрейфил?! — ласково улыбнулся Вакуленчук. — Ну, здравствуй!
Мичман нежно потряс маленькую руку Мишутки. Моряк поцеловал мальчика.
— Где майор? — спросил Вакуленчук.
— Папка дома,— ответил мальчик.
Вакуленчук поспешил к майору.
Вакуленчук подробно доложил о выполнении задания. Майор расспросил о погибших товарищах, записал их фамилии.
— Это настоящие герои. О них должны узнать все советские люди, вся наша страна. И мы позаботимся об этом.
Майор попросил подробнее рассказать об обстоятельствах встречи с бежавшими из плена людьми.
— Пригласи ко мне Охрима!
Охрим вошел осторожной походкой.
— Здрасте, товарищ начальник!
— Здравствуйте. Садитесь. Кем в полиции работали?
— Рядовым полицейским.
— В арестах участие принимали?
— Никак нет, товарищ начальник.
— Кто направил вас к партизанам?
Охрим почувствовал себя как-то неловко. Он понял: наступила минута, та ответственная минута, которую он так ожидал.
— Как бы вам сказать, я как бы Охрим в двух лицах, и хороший и плохой.
Млынский поначалу не понял, серьезно говорит человек или шуточками решил отделаться.
А Охрим продолжал:
— Да, я пробрался в ваш отряд по заданию гестапо. Верно и то, что я согласился выполнить задание немцев. Правда, только самую малость покуражился. С ними шутить опасно.
Охрим подробно изложил, в чем суть этого задания.
— На все это я пошел, повторяю, совершенно добровольно. Мало того, я ожидал такого задания, а когда получил его, считал себя счастливым человеком. Хотите верьте, хотите нет, но я радовался, как дите. Вот вы глядите на меня, товарищ начальник, и, небось, думка у вас: «Ну и подлец же ты, Охрим». А я не подлец! Ей-ей, не подлец Охрим, потому как дал согласие на эту пакость из благородных побуждений.
Выражение лица Млынского говорило о том, что интерес к рассказу Охрима у него возрос, но он не перебивал Шмиля, давал ему возможность выговориться полностью.
— На службу в полицию я пошел по совету соседа Павла Матвеевича. До войны он у нас секретарем горкома партии был.
— Это Самойлов? — оживился Млынский.
— Он самый... Так вот Самойлов верил мне, как себе. «Нам, Охрим, нужен свой человек в полиции,— сказал он,— тебе придется пойти в полицию. Будешь помогать нам. А мы по приказу партии в глубоком подполье работать будем». Сами понимаете, я не мог ослушаться партийного секретаря, потому как уважал и верил ему, как себе. А чтобы мне веры больше было, он дал кое-какие документики и легендочку придумал. Как порешили, так и сделали. Охрим — человек слова. Все, что делалось в полиции, товарищ Самойлов знал до тютельки. Снабжал я его и документами разными и бланками всякими. Одним словом, службу нес...— Но тут же поправился: — Несу исправно. А что на душе у Охрима, сами понимаете. На глазах его людей честных истязают, а он в стороне должен остаться. Я же не сукин сын, чтобы руки в ход пускать. Правда, голоса не жалел: кричал, ругал людей. Словом, на душе кошки скребли, душу в кровь раздирали. Своему врагу не пожелаю такой должности. Теперь вижу: поняли, товарищ начальник, почему Охрим радовался, как дите, когда ему предложили к Млынскому направиться. Самойлов, когда узнал об этом, тоже обрадовался. «Мы,— сказал он,— давно ищем возможность установить связь с отрядом Млынского. Это боевой отряд, и вместе мы такие дела будем делать, что немцам тошно станет». Что же это я, товарищ начальник, вроде как байки все рассказываю. Вы же мне можете верить, а можете и не верить.
Резким движением Охрим отвернул пиджак, ловко распорол подкладку, достал сложенный листок бумаги, протянул майору:
— Читайте!
— «Податель этой записки,— читал Млынский,— человек наш до мозга костей. Как тебе известно, Иван Петрович, я оставлен в городе для работы в особых условиях. Когда узнал, что и ты обосновался под боком, я начал искать возможность связаться с тобой. Возможность такая представилась, и мы незамедлительно воспользовались ею. О паролях и явках, о способах бесконтактной связи мы уполномочиваем вести переговоры с тобой подателя этой записки.
Наши предложения он доложит.
Крепчайше жму руку, твой Павел».
Жизнь не раз сталкивала Млынского и Самойлова до войны. Они дружили. Млынский хорошо знал его почерк, его любимые выражения «наш до мозга костей», «крепчайше жму руку». Он знал, что Самойлов действует в подполье.
«Письмо его, его»,— решил про себя Млынский.
Опыт чекиста подсказал майору, что Охрим — человек свой.
— Вы привели десять человек, а кого знаете по-настоящему?
— По-настоящему никого! — признался Ох-

рим. Подумав, уточнил: — А все же за двоих могу поручиться, глаз у меня мало-мало наметан на людей.

— Тут на глазок нельзя, Охрим! Давайте договоримся так. Ведите себя так, как учили вас там. А наши дела мы будем обговаривать вот тут, у меня... И нигде больше. Подозрений это не вызовет ни у кого, даже у немецкого агента, если им удалось заслать в отряд своего человека...

Отпустив Охрима, Млынский пригласил к себе Алиева.

— По данным местных жителей и наблюдениям наших людей,— докладывал политрук,— охрану железнодорожного моста несет взвод эсэсовцев, личный состав которого размещен в небольшом здании, что в 150—200 метрах южнее моста. Взводом командует штурмфюрер Зиберт. В дневное время охранную службу несет парный наряд с овчаркой. Ночью два подвижных наряда. Интересующая нас воинская часть оказалась ротой «СС». Она охраняет склады с оружием, боеприпасами и продовольствием. В течение недели немцы каждый день завозят на территорию части авиабомбы и снаряды, пользуясь при этом большими крытыми машинами. Во главе роты стоит оберштурмфюрер Мольтке. Строительство аэродрома последние пять-шесть дней ведется весьма интенсивно. Количество занятых на строительстве солдат, в том числе военнопленных, возросло. Отмечено прибытие новых партий автомашин. Вчера на летном поле впервые приземлилась группа истребителей «мессершмитт».

Млынский внимательно выслушал Алиева. Вместе с политруком решили, что необходимо создать две боевые группы. Одна должна взорвать мост, другая — ликвидировать роту «СС» и сжечь складские помещения. В ходе операции захватить оружие, боеприпасы и продовольствие.

Только вышел Алиев, зашел Серегин. Присел к столу.

— По лицу вижу, с доброй вестью пришел,— улыбнулся майор.

— Вы как в зеркало смотрите, весть действительно хорошая. Бондаренко возвратился. Мы его с донесением в штаб армии посылали.

— Помню, помню, как же. Студент Бауманского,— подтвердил Млынский.

— Он самый. Мы его посылали вместе с солдатом Ивановым. На самой линии фронта их обнаружили немцы, открыли стрельбу. Бондаренко прикрыл Иванова огнем, дал возможность перейти линию фронта. Его, тяжело раненного, забрали в плен.

— Это хорошо, что он вернулся. Бондаренко знает немецкий язык, он нам очень нужен будет. Только почему немцы ему жизнь даровали? Постой, постой, он пришел вместе с Охримом? А ну-ка, зови скорее сюда Бондаренко.

Бондаренко подробно пересказал историю, которая с ним случилась. Немцы схватили его тяжело раненного. Издевались, били. Невероятные мучения сделали невыносимой жизнь. Смерть казалась величайшим благом. Чтобы приблизить ее и тем самым положить конец мучениям, он заявил немцам, что партизан, сражался в отряде Млынского и гордится этим. Он думал, что его тут же расстреляют. Нет. К его удивлению, немцы прекратили издевательства, стали лечить. Сносно кормили и быстро поставили на ноги.

— Если бы мы отпустили тебя, что бы ты делал? — спросил как-то немецкий лейтенант, которого специально приставили к Бондаренко.

— Я нашел бы отряд Млынского и счел бы за честь быть его бойцом,— не задумываясь, ответил Бондаренко.

И это не вызвало ярости, даже не изменило отношения немцев к нему.

Однажды мелькнула мысль у Бондаренко: немцы хотят завербовать его и послать к Млынскому со специальным заданием. Ничего подобного. Никаких намеков на сотрудничество. Вскоре после этого его стали посылать на разгрузку дров. Бондаренко ходил, а сам подумывал, как бы бежать. И такая возможность подвернулась. Благодаря Охриму. Он хоть и полицай, но, по мнению Бондаренко, человек отважный. Ловко уложил «полицейских овчарок» и освободил десять человек.

Шаг за шагом Млынский добирался до истины. Он вспомнил слова Охрима: «Найти отряд помог Бондаренко, без него я и сейчас бы еще плутал по лесу»,— и ему стало ясно: немцы сохранили жизнь Бондаренко ради того, чтобы заслать Шмиля в его отряд.

Млынский отпустил Бондаренко.

— Товарищ Серегин, какого вы мнения об Охриме? — спросил Млынский, когда ушел Бондаренко.

Серегин пожал плечами:

— Откровенно говоря, я еще не разобрался в нем.

Млынский закурил папиросу, затянулся, высказал свое мнение:

— Мне кажется, он порядочный человек.

— Не знаю, как вам сказать. У нас есть пословица: «Черного кобеля не отмоешь добела». Она подходит к Охриму. Все-таки человек служил в полиции.

— Это верно, но он говорит, что в полицию поступил по поручению коммунистов.

— Сказать все можно, язык без костей.

— Поживем, увидим.— Млынский улыбнулся и протянул Серегину записку Самойлова.

Тот читал, не скрывая своего удивления.

— Товарищ майор, совсем запутался.

— Записка настоящая. Ей верить можно.

— Значит, Охрим...

— Совершенно верно,— подхватил Млынский, понимая, что Серегин уже сообразил, что к чему. — Немцы готовили против нас каверзу. Похоже на то, что в наших руках хорошие возможности «поиграть» с гестаповцами. Ты беседовал с людьми Охрима?

— Да. Бондаренко не вызывает сомнений. Октай еще понравился мне. Он родом из Баку. Бывалый солдат, по-моему, хороший человек.

— Охрим его тоже хвалит. Может, подойдет в адъютанты ко мне? Давай посмотрим!

— Хорошо! — ответил Серегин.

— Какое настроение у солдат? — поинтересовался Млынский.

— Отличное. Люди отдохнули, привели в порядок одежду, оружие.

— Да, как с радиоприемником?

— Обещают скоро наладить.

— Поторопи, через три дня праздник.

— Будет сделано!

За беседой незаметно прошло время. Стемнело. В комнату вошел Мишутка. Он зажег лампу, поставил на стол котелки с пшенной кашей, налил в кружки кипяток, уселся на топчан, сказал:

— Ешьте, а то все остынет.

— А ты почему не ешь? — спросил Млынский.

— Я во как наелся с матросами, возле кухни,— весело ответил Мишутка и для наглядности провел пальцем по горлу. А потом соскочил с топчана, подошел к столу и неожиданно спросил: — Папа, почему так долго не приходит тетя Зина?

Млынский и Серегин переглянулись. Действительно, что ответить мальчику на такой сложный вопрос. А он не унимался:

— Может, ее немцы убили?

Млынский обнял худенькие плечики Мишутки, успокоил:

— Не беспокойся, сынок, тетя Зина скоро вернется!

Передал ему пустой чайник, добавил:

— Сбегай за кипятком и ложись спать.

В комнату вошел капитан Алиев. Он доложил, что боевые группы сформированы, обеспечены боеприпасами и сейчас люди готовы идти на задание в любую минуту.

Млынский сказал Алиеву:

— До нашего возвращения вы остаетесь за командира отряда. Следите за безопасностью базы. Под своим контролем держите подготовку к празднику.

— Праздник у нас будет хороший, если, разумеется, вы благополучно вернетесь с задания.

— А мы умирать не собираемся. У нас впереди уйма непочатых дел! — ответил Млынский.

Солдаты, поднятые на зорьке, проверили оружие, взяли боеприпасы и бесшумно покинули лагерь. К рассвету следующего дня они подтянулись к исходным рубежам, разбились на две группы. Группа под командованием Серегина, обогнув аэродром, подошла к полотну железной дороги. Бойцы Млынского по дну большого оврага незаметно приблизились к территории воинской части и залегли в зарослях кустарника.

С полицейской повязкой на рукаве Бондаренко бесшумно вышел на дорогу и уверенно зашагал по направлению к воротам. Часовой заметил незнакомца, навел на него автомат, громко скомандовал:

— Рус, хенде хох!

Бондаренко послушно остановился и на немецком языке пояснил:

— Я полицейский, несу срочный пакет оберштурмфюреру! — Он показал заклеенный пакет, который держал в руке.

— Гей цу мир.

Бондаренко быстро подошел к солдату, передал пакет. Солдат взглянул на адрес. Бондаренко ударил его ножом в спину. Немец обмяк, захрапел и свалился. Сержант втолкнул убитого в проходную, быстро открыл ворота. Взвод Кирсанова бросился к штабу, все остальные во главе с Млынским атаковали казармы. Действия бойцов были стремительны: в окна полетели гранаты, выбежавших из казармы эсэсовцев косили меткими очередями из автоматов.

Млынский, не теряя ни минуты, повел солдат к складам. Часовых сняли еще до нападения на казармы. Солдатам ничего не оставалось, как сбить замки, войти в складские помещения и по-хозяйски определить, что взять с собой.

— Товарищ командир, за складскими помещениями обнаружено пять крытых грузовых машин,— доложил подбежавший к нему солдат. — Что с ними делать прикажете?

— Рискнем! Одну машину загружайте ранеными, остальные подавайте под погрузку. Мигом!

Когда пять огромных машин, четыре из которых были заполнены оружием, боеприпасами и продовольствием, покидали немецкую воинскую часть, позади взметнулись огромные языки пламени. Горели подожженные партизанами складские помещения.

Взвод Кирсанова тоже успешно выполнил свою задачу. Уничтожив оказавших сопротивление охрану и штабных офицеров во главе с оберштурмфюрером и захватив важные документы, он вышел к воротам и присоединился к основной группе.

Перестрелку, которая завязалась между бойцами Млынского и эсэсовцами Мольтке, сол-

даты Зиберта просто не слыхали — их отделяло несколько километров. Зиберт поднял тревогу слишком поздно, когда горели склады. Он бросил на помощь Мольтке весь взвод, оставив охранять мост лишь двух солдат. Снайперы Серегина легко сняли часовых, а подрывники быстро заложили тол.

Взрыв был страшный. Мост приподнялся и тяжело рухнул в воду. Серегин вывел людей из камышей и стороной обошел усадьбу бывшего колхоза «Прогресс». У шоссейной дороги пришлось залечь: по ней на повышенных скоростях в направлении железнодорожного моста неслась колонна грузовиков. Съежившись от холодного ветра, плотно прижавшись друг к другу, натянув на уши пилотки, в них сидели немецкие солдаты. За машинами, ревя моторами, двигались бронетранспортеры.

Когда шоссе опустело, группа Серегина пересекла его, вышла к лесу.

В это же время группа Млынского, возвращавшаяся на немецких машинах, уже достигла района Черного леса.

В полночь на базу прибыла и группа Серегина. Несмотря на позднее время, все были на ногах. Люди радовались успешно проведенной операции.

Утром Млынский вызвал к себе Октая. Попросил рассказать о себе. Потом неожиданно сказал:

— Беру вас к себе в адъютанты.

Отпуская Октая, Млынский предупредил:

— С завтрашнего дня приступайте к исполнению обязанностей.

— Слушаюсь,— по-военному ответил Октай.

После встречи с Млынским Охрим почувствовал себя легко, словно гора свалилась с плеч. Понимая, что за ним могут наблюдать агенты гестапо, он с ведома майора делал вид, что выполняет задание Шмидта и Зауера. Охрим «осторожно» беседовал с солдатами и, конечно же, с теми, кого он мог заподозрить в связи с гестапо и полицией. Двоих определил точно. Они пришли вместе с ним, а уже знали, где проходят минные поля, прикрывающие подступы к отряду, сколько человек в отряде, сколько раненых, какие запасы продовольствия. Из беседы Охрим понял, что люди эти знают о его связи с гестапо.

Поздним вечером, когда Охрим направился на отдых, к нему подошел солдат, которого он раньше не встречал. Извинился, что беспокоит так поздно, и тихо спросил:

— Нет ли у вас черной пуговицы?

Охрим вздрогнул. Не от испуга, от неожиданности. Ни он, ни Млынский не думали, что так быстро пойдет на связь с ним агент гестапо. Охрим рассчитывал услышать эти слова пароля значительно позже, а тут... Охрим осмотрелся по сторонам, ответил:

— Была одна, но потерял.

Охрим отошел с ним в сторону.

— Я солдат хозвзвода, меня здесь зовут Иваном. С сегодняшнего дня вы — «Рейнский»; вы будете выполнять мои приказания.

— Хорошо! — ответил Охрим.

— Как самочувствие?

— Ничего...

— Кажется, дела наши идут нормально.— И, кивнув в сторону проходивших солдат: — Это все будущие мертвецы. Но об этом потом! Говори, что добыл, что сделал?

— Есть кое-что,— ответил Охрим и сунул в руку Ивана записку.— Здесь все изложено.

Положив в карман записку, Иван предупредил:

— Записок больше не писать! Держи все в голове! Расскажешь... Обнаружат записку, петли не миновать.

— В голове так в голове! — согласился Охрим.

— Теперь слушай! Если Млынского не удастся выманить в город, его нужно ликвидировать. Это твоя задача. И еще! Сам ко мне не подходи! Нужно будет — найду! Запомнил?

— Запомнил.

Охрим зашел в сарай, в темноте отыскал ощупью свое место, лег. Ворочаясь с боку на бок, лежал долго с открытыми глазами. В городе было трудно, но и здесь не легче. Мучила его одна фраза «Ивана». Что он задумал? Надо бы срочно сообщить об этой встрече Млынскому, но нельзя. Сразу после встречи к командиру отряда? Так можно все провалить. За ним «Иван» мог установить наблюдение...

Дед Матвей подошел к своему дому далеко за полночь. Постучал в окно. Никто не ответил. Постучал сильнее. Ни звука. Бросился к двери. Оказалась незапертой. Теряясь в догадках, сунулся в хату, чиркнул спичкой. Взметнувшийся язычок пламени разорвал темень, обнажил страшную картину.

Не поверил глазам своим Матвей, засветил лампу.

Стол и скамейки перевернуты. На полу черепки разбитой посуды. Кровать — словно свинья по ней ходила. Вместо подушек — жалкие клочья, а пух, выпущенный из них, белой порошей покрыл пол.

«Боже мой,— пронеслось в голове деда Матвея.— Отродясь не было такого беспорядка у моей Настеньки!»

Глянул Матвей на подоконник, увидел пустые пачки от немецких сигарет, окурки и толстый слой табачного пепла в тарелке.

Вышел из хаты, держась за стену, чтобы не свалиться, сделал несколько шагов, озираясь по сторонам, до боли в глазах всматриваясь в темноту ночи. За хатой росла яблоня, посаженная и выхоженная его Настей. Она любила это дерево.

Достал фонарь, нажал на кнопку и... увидел свою Настю. Она висела на толстом суку яблони. Седая голова ее откинулась. На груди фанерка с надписью: «Партизанка». Каждая буковка жирно выведена черной краской.

Постоял дед Матвей, опершись на ствол, минуту-две в безмолвии. Затем взял костлявую, плетью повисшую руку жены, приложил к щеке. Забылся. Пришел в себя, оттолкнулся от дерева, принес одеяло, постелил на землю. Перерезал ножом веревку, осторожно опустил окоченевшее тело на одеяло. Принялся сколачивать гроб из припасенных когда-то на ремонт досок. За работой не заметил, как подошли к нему два солдата.

— Здравствуй, дедушка Матвей! — сказал один из подошедших.

Старик смахнул рукавом затуманившие глаза слезы. Узнал Потешина.

— Немцы жену повесили...— сказал он, с трудом выговаривая слова.

Потешин сжал локоть старика.

— Отомстим, дед! Страшно мы им отомстим!..

...Над свежим холмиком постояли в молчании. Затем дед Матвей согнулся над могилой, взял горсть земли, завязал в платочек, опустил в карман. Надел на плечо автомат:

— Пошли, сынки!

Измученные, голодные и озябшие, только на третьи сутки добрались до отряда.

Дед Матвей рассказал все.

Потешин сообщил, что тяжелораненых, оставленных на лесопилке, немцы расстреляли, а других увели в плен.

Неожиданно в разговор вмешался Мишутка:

— Дедушка, а тетю Зину вы не видели?

— Не довелось,— ответил дед Матвей и добавил: — Партизаны сказывали, что видели промежду пленными одну докторшу. Похоже, она.

Млынский ласково посмотрел на мальчишку, успокоил:

— Ложись спать, Мишутка, мы позаботимся о тете Зине. И вы идите, дедушка Матвей.

— Не старик, клад! — сказал Алиев, когда дедушка Матвей вышел.

— Бесценный...— добавил Серегин.

— Старик действительно хорош,— подтвердил Млынский. Закурил сигарету.— Немцы вывозят в Германию наших людей. Кто, как не мы, должны защитить их.

— Только как сделать это? — спросил Алиев.

— Нелегко,— согласился Млынский.— Для начала, я думаю, нужно подготовить и провести акцию против гестапо и полиции. Они занимаются отправкой советских граждан, вот и нужно потревожить их.

— Для этого придется проникнуть в город. Не слишком ли велик риск?—усомнился Алиев.

— Операция серьезная, здесь без риска не обойтись. Главное, учесть и использовать все возможности. А они сейчас имеются! — как бы ответил ему Серегин.

Все помолчали.

— Иван Петрович, разрешите, мы изучим эти вопросы? — обратился к Млынскому Алиев.

— Для этого и разговор начал,— ответил Млынский, кивая в знак согласия.

Разошлись далеко за полночь.

Млынский встал рано утром, когда все, кому можно было, еще спали. Побрился, почистил обмундирование. Взял папиросу, не успел закурить, к нему заглянул Октай.

— Товарищ командир, разговор есть.

— Говори.

Октай посмотрел в глаза майора, начал:

— С того дня, как я стал вашим адъютантом, Охрим проявляет ко мне, я бы сказал, повышенный интерес. Часто заходит по вечерам. Всякий раз объясняет, что днем не хочет отрывать от работы. Чего-либо подозрительного я за ним не заметил. Зря говорить не буду. Да только чем-то он мне не нравится.

— Чем же?

— Сам не знаю.

— Он что, интересовался чем, выпытывал у тебя что? — не унимался майор.

— Не скажу, что интересовался, тем более выпытывал. Он все больше о семье, о погоде, о зверствах немцев рассказывает.

Млынский помолчал, затем ткнул папиросу в пепельницу.

— Ты говоришь, Охрим подозрительный. Только я не пойму, что подозрительного в том, что ты рассказал мне. Может, ты чего недоговариваешь?

Октай покраснел:

— Понимаете, товарищ майор, интуиция. Она подсказывает, что человек этот не тот, за кого себя выдает.

Млынский положил руку на плечо смущенного Октая и тоном опытного педагога разъяснил:

— Понимаешь, дорогой, чтобы делать вывод о человеке, одних чувств недостаточно. Нужны серьезные аргументы. Доказательства — вот что нужно. Чувства могут подвести. Продолжай встречаться с Охримом, присматривайся, если он кажется тебе подозрительным. Ну, а если нужно ко мне... пожалуйста. А сейчас позови Охрима.

— Слушаюсь! — ответил Октай.

Разыскав Шмиля, Октай передал, что его вызывает Млынский.

— Зачем, не знаешь? — поинтересовался Охрим.

Октай пожал плечами, ответил не совсем любезно:

— Майор мне не докладывает о своих действиях.

Охрим заметил, что Октай изменил к нему отношение, но вида не подал.

Млынский усадил Охрима за стол.

— Как чувствуете себя в отряде?

Охрим закурил, глубоко затянулся, не спеша ответил:

— Хорошо, только по детям сильно скучаю.

Млынский вспомнил своего Володьку и, сдерживая волнение, ответил:

— Мы все страдаем этой болезнью.

— У меня новости! Я ждал вашего вызова. Сам явиться не решился. Могут за мной наблюдать.

— Докладывай!

Охрим подробно рассказал о встрече с «Иваном», о разговоре, состоявшемся между ними.

— Нервишки у «Ивана» сдали,— заключил Млынский.— Торопится. Это к лучшему. Все, что нужно, мы предусмотрим, а ты, Охрим, держись. Начинается схватка не на жизнь, а на смерть.

Млынский медленно прошелся по комнате. Пять, десять минут прошло, а он все ходил и думал.

Верный времени своему

Александру Александровичу Коваленкову — поэту, рассказчику, педагогу-литератору — шестьдесят лет. Пять лет кряду мне довелось еженедельно встречаться с ним, как с руководителем поэтического семинара в Литературном институте.

Все мы — его ученики — доверяли его суждениям о поэзии, ибо, конечно же, знали Коваленкова как оригинального поэта, искусного чародея поэтического цеха. Иной раз о нем самом — поэте и учителе — мы думали строками его же стихов:

Не отрекусь от того, что
незримо
В жизни моей окрыляло меня.

Вспоминается такая характерная деталь в его поэтической судьбе. Сам в юности причастный к воздухоплаванию (работал в радиолаборатории московского аэродрома), Александр Коваленков одним из первых, еще в начале 50-х годов, выражаясь языком критиков, начал осваивать космическую тему. Помните его стихи «Ночные сторожа» и «Звездной ночью»? Некоторые недальновидные критики довольно резко обрушились на него, упрекая поэта в отрыве от реальной действительности. Может быть, и сегодня эти склонные к скепсису люди с недоверчивой ухмылкой прочтут строки, в которых говорится о посещении нами иных обитаемых миров?

Не угадать и не назначить
срока,
Но он настанет, этот день и
час,
Когда мы встретим тех,
кто издалека,
Надежды не теряя, верил
в нас.

Впрочем, сам поэт давно ответил унылым скептикам блистательным афоризмом:

Сказки пишут для храбрых.
Зачем равнодушному сказка?..

А реальная действительность складывалась так, что по нашей земле шли в строю молодые советские солдаты и пели песню А. Коваленкова «Солнце скрылось за горою...». Известны стали и другие его стихи, ставшие песнями.

Примечательно, что первое стихотворение тогда еще молодого поэта было опубликовано в 1935 году в «Правде» и замечено А. М. Горьким, который перепечатал его в журнале «Колхозник». Горьковские традиции жили и живут в творчестве и литературной деятельности Александра Коваленкова. Он пишет так, что словам в его стихах тесно, а мыслям просторно. Только настоящий мастер может несколькими мазками набросать картину, которая не уйдет из памяти. В поэзию и прозу А. А. Коваленкова органично входят и сказка, и влюбленно выписанные пейзажи, и конкретная, сегодняшняя современность.

Олег ЗВЕРЕВ

— Скажи откровенно, Охрим! — наконец заговорил Млынский.— Ты мог бы незаметно ввести в город группу наших людей?

Охрим затянулся папиросой и неторопливо ответил:

— Можно оно можно, только очень тяжко.

— Знаю, что нелегко, поэтому и советуюсь,— разъяснил Млынский.— С какой стороны легче проникнуть в город?

— С южной, конечно.

— Почему?

Охрим разъяснил:

— С юга дороги, ведущие в город, как правило, охраняются полицейскими. С полицаями я общий язык найду,— заверил Охрим.— Недаром я оставил Петренко ключ от сейфа. В сейфе кое-какие доказательства преданности начальнику полиции.

Млынский посмотрел на Охрима, спросил:

— Думаешь, он залезет в сейф?

— Мало сказать думаю, головой ручаюсь. Петренко все оближет до ниточки. Там найдет поклоны и в сторону Кранца, и Шмидта, и Зауера. Предусмотрено все, как положено.

— Ну что же, все складывается как нельзя лучше.

Как только стемнело, он нарушил указание «Ивана», сам встретился с ним, как бы случайно, возле кухни. Отвел в сторону, шепнул:

— Есть новости!

— Какие новости?

— Млынский в город идти не собирается! Посылает меня!

— С каким заданием?

— Хочет передать записку.

— Кому? Что в записке?

— Еще не знаю, не видел.

«Иван» взял Шмиля под руку, повел в лес. Остановился у березы, ткнул пальцем:

— Кору надрезал я. Чем не тайник? А теперь иди!

На следующий день служба наблюдения зафиксировала появление немецких разведывательных самолетов в непосредственной близости от лагеря. Вдоль и поперек они утюжили лес, прижимаясь к самым верхушкам деревьев. Изредка слышались пулеметные выстрелы: так, на всякий случай. И хотя не было никаких признаков того, что немцы обнаружили лагерь, Млынский приказал всем солдатам и офицерам строго соблюдать правила маскировки, без дела из помещений не выходить, печки топить только ночью.

Солдаты чистили оружие, одежду, ремонтировали обувь.

Особенно доставалось Бондаренко. Как заправский парикмахер, он наголо стриг солдат. Очередь его «клиентов» не уменьшалась. Работа шла под непрерывные шутки и смех.

Когда остриг голову Октая, поднес машинку к его усам. Октай вскипел:

— Зачем срезаешь?

— Не будет усов, будешь моложе.

— Зачем моложе? Лейла любит меня с усами. Без них совсем нет красоты. Это — раз. В них сила мужская. Это — два.

— Ладно, ладно. Чтобы жена не разлюбила, я только подправлю...

В этот день все в лагере проснулись раньше обычного. Солдаты и офицеры побрились, надели с вечера приведенную в порядок одежду, позавтракали и собрались в бывшем сарае, а теперь — казарме. Посередине на самодельном столике стоял старенький радиоприемник.

Когда вошли Млынский, Алиев и Серегин, все замолчали.

— С великим праздником вас, дорогие товарищи! — взволнованно и торжественно произнес майор.

Волнение захватывало дыхание, мешало говорить.

— Включите приемник...

Наступила мертвая тишина. Затаив дыхание, люди жадно смотрели на облезлую коробку. Приемник затрещал, захрипел, и вдруг все отчетливо услышали голос Сталина:

— Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

...Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

От волнения перехватывало дыхание. Передача шла с Красной площади.

Издалека звучал голос диктора:

— Сейчас на Красную площадь вступили танки...

Какое-то тревожное и вместе с тем радостное и торжественное чувство охватило всех. Люди обнимали друг друга, целовались, без конца аплодировали. А когда немного успокоились, Млынский поднял руку. В наступившей тишине прозвучали его слова:

— Дорогие братья! Наша родная Москва живет и борется. Сегодня под носом у врага, на Красной площади, проходит военный парад. Мы с вами, находясь в тылу противника, должны усилить свои удары по фашистским захватчикам. Смерть фашистам!

— Смерть! — прогремела многоголосая клятва.

Продолжение следует.

ПРАВДА О ФАБРИКЕ ЛЖИ

Януш КОЛЬЧИНСКИЙ,
польский публицист

Удостоверение личности сотрудника «Свободной Европы» Анджея Чеховича.

Телефото ЦАФ — ТАСС

Осенью 1963 года в полицию Федеративной Республики Германии обратился 24-летний Анджей Чехович. Он объяснил, что возвращается из туристической поездки по Англии и решил задержаться в ФРГ, следуя «дружеским советам» своих новых лондонских знакомых из эмигрантских кругов. Чехович не скрывал от них, что решил не возвращаться на родину и «выбрать свободу», оставаясь на желанном Западе, и вот эти новые знакомые посоветовали ему попросить убежище у западногерманских властей.

Сначала молодой человек был помещен в лагерь для беженцев в Цирндорфе. Здесь в течение четырех месяцев им занимались представители американской, западногерманской и английской разведок, стремясь получить различные сведения.

Четыре месяца провел Анджей Чехович в Цирндорфе, потом его отправили в пересыльный лагерь, и, наконец, он получает «свободу» — политическое убежище. Но «свобода» с паспортом иностранца, из которого выкачана вся информация, означает лишь одно — что этот человек теперь предоставлен своей судьбе. И Чехович берется за любую работу, чтобы не умереть с голоду.

Наконец ему повезло. Еще в лагере Цирндорфа Чехович заинтересовал представителей радиостанции «Свободная Европа», которые имеют доступ к беженцам на тех же правах, что и представители разведки. Молодой, способный выпускник исторического факультета Варшавского университета выгодно выделялся из массы эмигрантов, среди которых преобладает всякого рода человеческое отребье, а зачастую даже уголовники. К Чеховичу присматриваются и, наконец, предлагают работу в «Свободной Европе». Оставалось только пройти еще одно испытание: «новобранец» должен был ждать, пока американская контрразведка по различным каналам не произведет тщательную проверку его личности — как-никак речь шла о приеме человека в учреждение, подчиненное ЦРУ! Это испытание прошло более чем удачно, поскольку в апреле 1965 года Чехович не только входил в здание «Свободной Европы» с удостоверением сотрудника, но, больше того, был принят в так называемый отдел оценки, то есть в тот отдел «Свободной Европы», который выполняет особые функции и в котором работают надежные люди.

А теперь перейдем к событиям 10 марта 1971 года. На пресс-конференции в Варшаве перед польскими и зарубежными журналистами выступил офицер польской разведки, сотрудник министерства внутренних дел ПНР капитан Анджей Чехович, который за два дня до этого вернулся на родину после выполнения специального задания в Мюнхене. На этой пресс-конференции он представил журналистам новые факты и документы, разоблачающие подрывную деятельность «Свободной Европы».

Мужество этого человека, его преданность идеалам социализма, а также талант разведчика помогли ему выполнить задание во всей полноте. Шесть долгих лет офицер польской разведки был сотрудником радиостанции «Свободная Европа» и, что особенно важно, имел доступ в святая святых одного из ее мозговых центров. Отдел исследований и анализа Восточной Европы укомплектован в основном сотрудниками ЦРУ, к ним предъявляются более высокие требования, нежели к работникам других отделов.

Чем же занимается служба исследования и анализа? В сущности, она объединяет две функции — официальную, которая заключается в подготовке документации для радиопропаганды (так представляется дело в официально опубликованных отчетах радиостанции), и неофициальную. Вторая же, гораздо более важная, заключается в обработке и отборе шпионской информации в зависимости от ее ценности для американской разведки. Этой деятельностью занимаются два сектора. Первый — отдел исследований и анализа Восточной Европы — изучает эти проблемы применительно к тем социалистическим странам, на которые направлены диверсии «Свободной Европы».

Кроме того, существует отдел анализа коммунистической зоны, который занимается изучением различных аспектов социалистического содружества.

Оба этих отдела, как уже было сказано, занимаются прежде всего систематизацией и анализом шпионской информации. Задача обеспечения радиостанции разного рода материалами при этом играет далеко не первостепенную роль. Как заявил капитан Чехович, в отделы радиостанции попадает в среднем не более 15—20 процентов обрабатываемого материала. Главная же часть информации передается непосредственным хозяевам «Свободной Европы» из ЦРУ. Кроме них, доступ к этой информации имеет также западногерманская разведка.

Существуют различные источники информации, некоторые из них удалось раскрыть капитану Чеховичу. Выявилась, например, неприглядная роль некоторых западных корреспондентов, аккредитованных в Польше, а также некоторых граждан западных государств, приезжающих в нашу страну с деловыми целями. Важным источником для «Свободной Европы» является также «обмен» с так называемым Еврейским центром документации, которым руководит пресловутый сионист Визенталь.

Этот центр тщательно анализирует донесения и различные анкеты, поступающие сюда через агентов. Здесь вся эта информация проверяется, сопоставляется с другими источниками, а затем распределяется и систематизируется. Сведения, полученные таким образом, дополняются анализом прессы, книг, радиопередач и т. д.

Учитывая важность деятельности службы исследования и анализа, американское руководство «Свободной Европы» уделяет ей особое внимание, поэтому во главе этой службы стоят кадровые сотрудники ЦРУ высокой квалификации. Так, отделом исследований и анализа Восточной Европы в период «сотрудничества» А. Чеховича руководили сначала полковник Рихард Кук, занимающий теперь пост заместителя директора «Свободной Европы» по политическим вопросам, а затем полковник Джеймс Браун. Отделом анализа коммунистической зоны руководит Самуэль П. Лайон, также офицер ЦРУ. Характерно, что польским отделом руководит некий К. Заморски, который еще до войны был агентом 2-го отдела (армейская разведка буржуазной Польши), а потом сотрудником разведки 2-го корпуса генерала Андерса, принятого позже в ЦРУ.

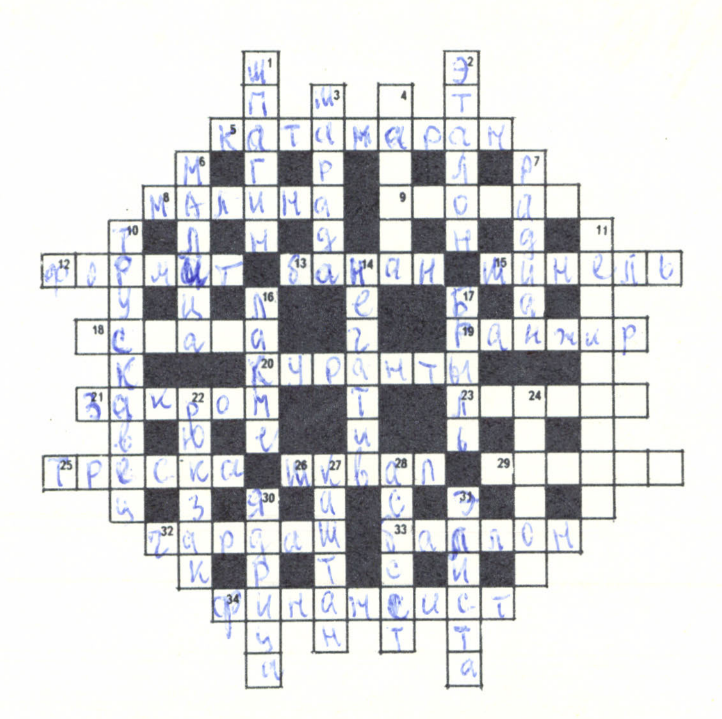
В самом сердце этого шпионского гнезда оказался офицер, сотрудник министерства внутренних дел ПНР. Через его руки проходили материалы под грифом «Строго секретно», «Секретно», «Прочти и уничтожь» и т. п., он имел доступ к тем отделам архива, о которых многие сотрудники «Свободной Европы» вообще не знали. Благодаря этому А. Чехович получил возможность выявить и изучить подробности шпионской деятельности «Свободной Европы». А. Чехович был участником многих программных совещаний, на которых планировались пропагандистско-диверсионные кампании. Он узнал весь механизм, с помощью которого ЦРУ руководит эмигрантским персоналом, так называемых «национальных» радиостанций. Ему стала известна вся кухня черной пропаганды: как фабрикуются фальшивые сведения, чтобы они выглядели правдивыми, каким образом специалисты из «польского вещания» выдают этот вымысел за достоверность, и многое другое.

Характерна реакция «Свободной Европы» на возвращение капитана Чеховича в Польшу. Сразу же после пресс-конференции польского разведчика в «Свободной Европе» наступило замешательство. А потом посыпались комментарии, одни противоречащие другим. Так, один из авторов комментариев выразил сожаление, что польская разведка нарушила «правила игры», согласно которым ни одна разведка не должна популяризировать свои успехи. Другой комментатор, делая хорошую мину при плохой игре, внушал, что Чехович похищен и вынужден играть роль офицера разведки.

Замешательство на мюнхенской фабрике лжи длится до сих пор. А ведь капитан Анджей Чехович еще только начал свой рассказ...

Варшава. Передано через польское агентство «Интерпресс»

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Судно, имеющее два корпуса. 8. Ягода. 9. Горный хребет в Читинской области. 12. Размер страницы. 13. Тропическое растение. 15. Повесть Н. В. Гоголя. 18. Город в Эфиопии. 19. Построение в шеренге по росту. 20. Часы, бой которых сопровождается музыкой. 21. Ларь в амбаре для ссыпки зерна. 23. Приток Конго. 25. Промысловая рыба. 26. Резкий, сильный порыв ветра. 29. Приспособление для установки аппаратов. 32. Венгерский народный танец. 33. Сосуд для жидкостей или газов. 34. Роман Т. Драйзера.

По вертикали: 1. Советский конструктор стрелкового оружия. 2. Образец меры. 3. Загадка. 4. Последовательное изложение событий в художественном произведении. 6. Меховая шапка. 7. Единица измерения углов. 10. Курорт в предгорьях Карпат. 11. Астрономический инструмент. 14. Фотографическое изображение. 16. Опера Л. Делиба. 17. Белорусский писатель. 22. Заплечный вещевой мешок. 24. Вспышка твердых частиц в земной атмосфере. 27. Дерево семейства буковых. 28. Огнестойкий минерал. 30. Гречневая крупа. 31. Столица автономной советской республики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 6. Кинематика. 8. Дуала. 9. Бажов. 10. Иволга. 11. Баллада. 12. Нейтрон. 13. Виноград. 16. Святогор. 18. Прототип. 21. «Каштанка». 23. Наборщик. 25. Балабан. 27. Рагозин. 29. Фольга. 30. Кабул. 31. Ягуар. 32. Аттракцион.

По вертикали: 1. Шкала. 2. Индиана. 3. Ливанов. 4. Забой. 5. Сусанин. 7. Колонок. 14. Офсет. 15. Диона. 16. Сатин. 17. Осетр. 19. Бабадаг. 20. Дилижан. 22. Конфета. 24. Аэрарий. 26. Белая. 28. «Гаянэ».

На первой странице обложки: Делегат XXIV съезда КПСС машинист электровоза станции Тула-1 Яков Михайлович Мурлычев.

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: В одном из залов Третьяковской галереи.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/III-71 г. А 00534. Подп. к печ. 16/III-71г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 650. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 605.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЗИМНЯ

В. ВИКТОРОВ,
А. БОЧИНИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Нет никакого сомнения в том, что седьмая зимняя Спартакиада профсоюзов СССР займет в истории советского спорта очень приметное место. Организаторам этих крупнейших соревнований удалось претворить на практике основной закон нашего физкультурного движения — массовость и мастерство.

Да, профсоюзная спартакиада поистине стала спартакиадой народной. Еще за год до финальных соревнований началась она в пятидесяти тысячах коллективов физкультуры, причем уже тогда каждый из ее участников, кто бы он ни был — лыжник, конькобежец, прыгун с трамплина, фигурист, биатлонист, саночник, слаломист или двоеборец,— знал, что при формировании сборных команд будет учитываться лишь один показатель — высокий результат.

И этот принцип был выдержан без всяких скидок: в Свердловск пропуск получили только лучшие из лучших — тысяча двести победителей со всех концов страны. Это они шли в рядах торжественного марша по улице Ленина. Это они вели борьбу на снежных и ледовых трассах. И везде — и в парадном строю и на дистанциях — хозяевами спартакиады были молодые рабочие парни и девушки, цвет нашего профсоюзного спорта...

Когда плотник из города Рудный Иван Гаранин неожиданно

Уральцы любят спорт.

Торжественный марш-парад участников спартакиады.

Я НАРОДНАЯ...

для всех стал победителем тридцатикилометровой лыжной гонки, многие сочли это случайностью: ведь победу оспаривали 120 лыжников, и многие из них имели за плечами не один успех, но не кто иной, как Гаранин, стал победителем не только этой гонки, но и второй, самой трудной — на 50 километров, оставив позади таких корифеев лыжного спорта, обладателей многих громких титулов, как Игорь Ворончихин и Баязит Гизатуллин. Нет, успехи Ивана Гаранина не были случайностью, так же как и успех техника Верх-Исетского завода Владимира Конькова. Коньков не был включен уральцами в команду биатлонистов, и какова же была их растерянность, смущение и радость, когда Владимир Коньков, выступивший в личном зачете, оказался победителем гонки на 20 километров со стрельбой. (Победить-то он победил, но 50 драгоценных очков команда не получила.) А на дистанции в 15 километров прозвучало имя другого рабочего — 26-летнего слесаря локомотивного депо из Ярославля Александра Березина. И в гонках юниоров, впервые принявших участие в зимней спартакиаде, мы имели возможность познакомиться с прекрасной сменой — молодыми рабочими и студентами из самых различных городов страны.

Вообще в лыжном спорте определилась закономерная и радостная деталь: лучшие лыжники профсоюзов представляют теперь снежные области нашей страны — Кемеровскую, Архангельскую, Свердловскую, Камчатскую, Пермскую. Казалось бы, что это естественно, но, увы, в последние годы именно эти районы не выдвигали сильных гонщиков. Теперь, видимо, наметился долгожданный сдвиг.

У лыжниц соревнования не принесли нам столь радостных неожиданностей. Победы в гонках и на пять и на десять километров одержала, как и следовало ожидать, преподавательница из Горького, чемпионка мира Алевтина Олюнина. Она прилетела в Свердловск прямо из Швеции, где с успехом выступила на крупнейших соревнованиях в Фалуне, но рядом с ней, нисколько не дрогнув перед грозной соперницей, успешно выступали лыжницы из многих городов нашей страны, которые пока не входят в состав сборной команды.

Несмотря на крепчайший мороз, который не мог не сказаться на результатах конькобежцев, соревнования на катке комбината «Юность» прошли на самом высоком уровне. И если титул абсолютного чемпиона, как этого и следовало ожидать, завоевал маститый москвич Валерий Лаврушкин, то золотые медали на дистанции 5 и 10 тысяч метров достались слесарю из Горького Николаю Гамаюнову. И уж совсем неожиданно завершились соревнования женщин. Ну кто бы мог предполагать, что чемпион мира Нина Статкевич уступит абсолютное первенство Людмиле Титовой? Да, Людмила Титова — одна из сильнейших скороходок мира, но до сих пор она блистала в спринте, а здесь сумела успешно преодолеть и длинные дистанции.

С каждым днем спартакиады все нарастал темп командной борьбы. Сперва лидировали, как это и ожидали все, москвичи. И в тот момент, когда столичные спортсмены, казалось бы, обеспечили себе первое место, вперед вырвались ленинградцы. Они набрали много очков на прыжках с трамплина (победу на большом трамплине одержал 17-летний ленинградец Юрий Калинин) и в двоеборье и вышли на первое место. А вслед за ленинградцами и москвичами на пьедестал почета поднялись спортсмены Казахстана — это большой их успех!

И вот борьба завершена. Но мы еще долго будем помнить жгучий уральский мороз, словно испытывавший волю спортсменов, яркое солнце, пышные снега Уктуса, крепчайший лед катка «Юность», сорокаведерные кипящие самовары, азартное дыхание болельщиков, поднимающееся радужным облаком над трибунами, и счастливые улыбки победителей.

Участники этой поистине народной спартакиады разъехались по домам, но сама спартакиада не завершена, ведь массовые соревнования еще нынешней зимой будут продолжены. Впереди — Олимпийские игры в Саппоро. Впереди восьмая зимняя.

Биатлонисты на линии огня.

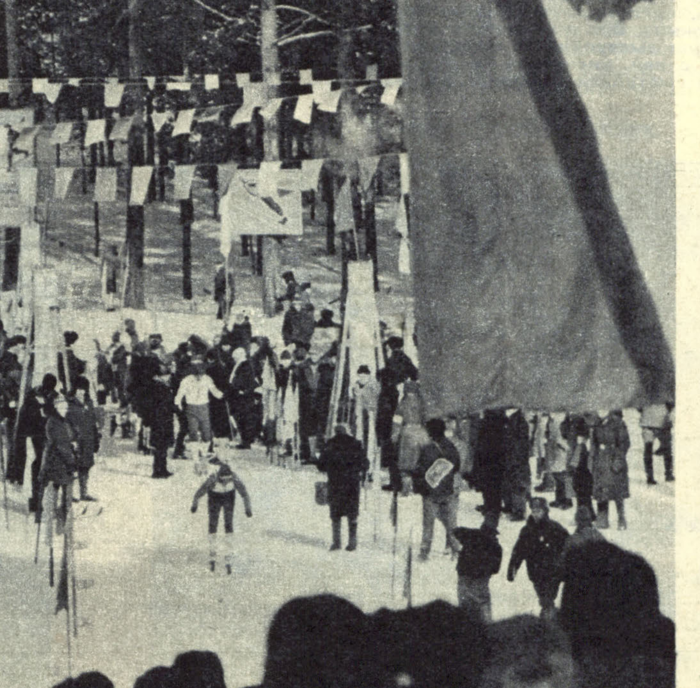
Букеты гостям.

▼ Чемпион мира Нина Статкевич и одна из сильнейших скороходок страны, Капитолина Серегина, готовятся к выходу на лед.

На Уктусах.

Людмила Титова ведет

Герой уральской

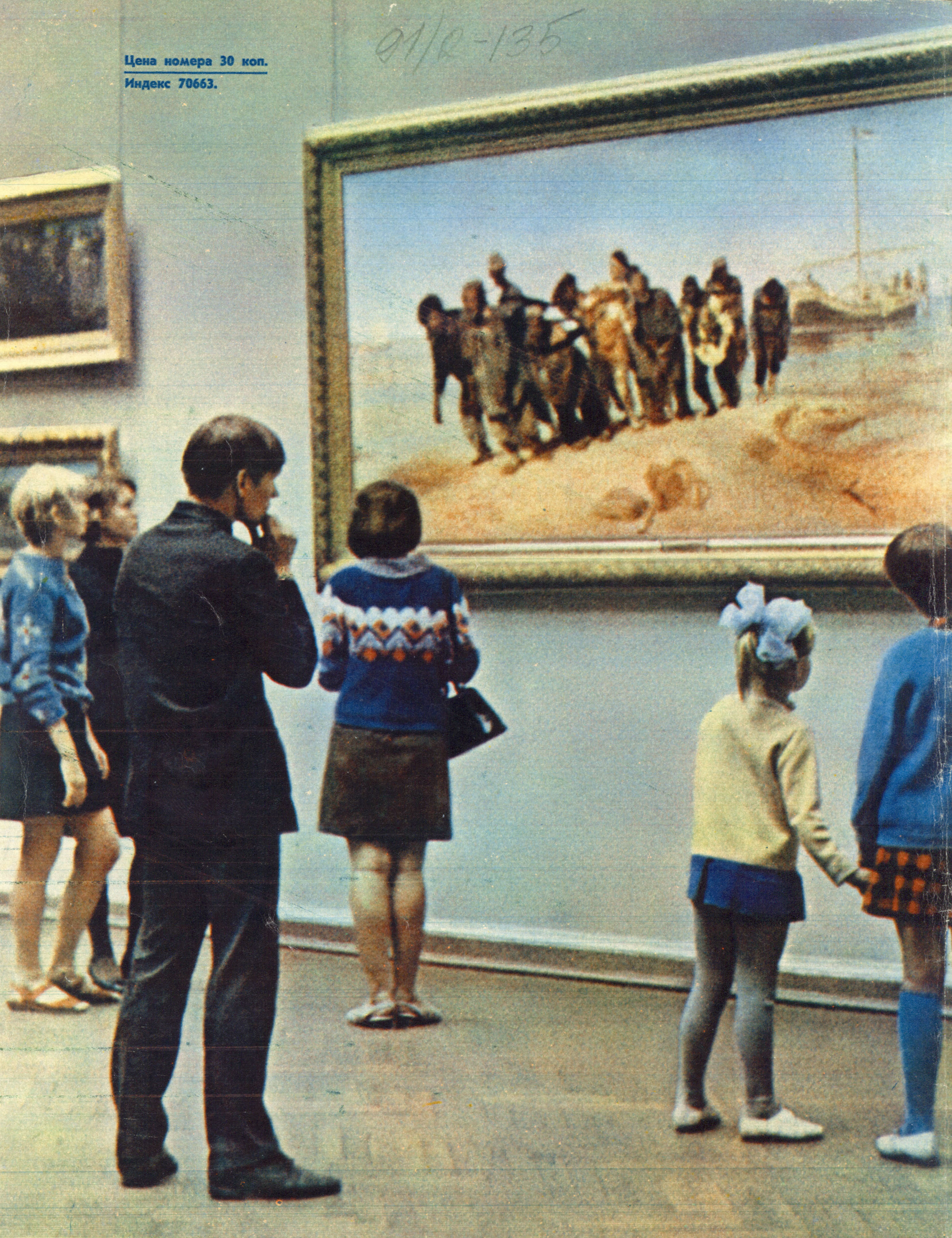

борьбу при морозе 30 градусов.

лыжни Иван Гаранин.

Свердловское гостеприимство.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.